

Раздел 3. Философские проблемы социальных и гуманитарных наук

Основные понятия: культура, общество, социокультурная детерминация, ценности науки, идеологическая история науки, демаркация наук, междисциплинарные войны, науки о духе (Geistwissenschaft), науки о культуре (Kulturwissenschaft), объяснение, понимание, интерпретация, теоретическая «нагруженность» факта, социокультурная «нагруженность» научной рациональности, социальный конструктивизм, социальная эпистемология, герменевтика, текст, интертекстуальность, дискурс, коммуникация, язык, «лингвистический поворот» (Linguistic Turn), история, достоверность, аутентичность, объективность, субъективность, поведение, модель охватывающих законов (МОЗ), когнитивные и парадигмальные модели (релятивизм, психологизм, историзм), эпистема, формы жизни, коммуникативная рациональность, натурализм, антинатурализм

3.0. Рекомендации по самостоятельному изучению раздела

Знакомство с философскими проблемами социальных и гуманитарных наук¹ предполагает обращение к постоянно растущему теоретико-методологическому комплексу вопросов, связанному с философской и метатеоретической рефлексией над системой параметров, которые определяют их статус, форму и содержание. Философский анализ этого комплекса позволяет дать представление о специфике формирования, принципах построения и перспективах развития исторически сложившихся механизмов производства и воспроизводства социально-гуманитарного знания.

Современные социальные и гуманитарные науки пребывая в состоянии постоянных смен парадигм и «поворотов» (Break & Turns)², тем не менее, сохраняют свою целостность и системность. Это позволяет оценить поиски и исследования оснований, обеспечивающих целостность и системность социальных и гуманитарных наук, в качестве важнейшей перспективы их философского анализа. При этом такого рода анализ, чтобы сохранить свою релевантность и корректность, должен строиться с учетом аспектов синхронии и диахронии, присутствующих в основаниях социально-гуманитарного знания; иными словами,

¹ Стоит отметить, что право именоваться «науками» для гуманитарных исследований достаточно проблематично реализуется в различных академических традициях. Так, в частности, именно немецкая академическая традиция в период своего расцвета и дисциплинарного оформления, связанного с «университетской революцией» первой половины XIX вв. и появлением первого исследовательского университета в ходе образовательной реформы В. фон Гумбольдта, зафиксировала в своей классификации наук такой признак как «научность» (Wissenschaftlichkeit), давая право для любых гуманитарных и социальных исследований именоваться «науками» (Wissenschaften), в то время как англо-саксонская академическая традиция отказалась от столь «сильной» характеристики гуманитарных исследований скромно обозначив их при помощи термина «искусства и гуманитаристика» (Arts & Humanities), оставив право так именоваться только лишь за социальными науками (Social Science). Российская академическая традиция, которая может рассматриваться как более или менее точная копия гумбольдтовской немецкой образовательной системы, ориентируясь на немецкие образцы и стандарты, сохранила свойственное им понимание «научности» (Wissenschaftlichkeit), применяя термин «наука» для характеристики любых исследовательских практик как социальных, так и гуманитарных.

² Вот, только самые яркие и влиятельные для социальных и гуманитарных наук в XX-XXI вв.: «лингвистический поворот» (Linguistic Turn) 20-е – 30-е гг. XX в., «культурный поворот» (Cultural Turn) 60-е гг. XX в., «антропологический / прагматический поворот» (Anthropological / Pragmatic Turn) 80-е гг. XX в. – начало XXI в.

поиски неизменных «ядерных образцов», лежащих в основаниях социальных и гуманитарных наук, не должны игнорировать исторически изменчивые формы их производства и воспроизводства, поскольку невнимание к изменчивым структурам исследовательских практик, принятых научным сообществом в качестве легитимных в тот или иной период исторического развития социальных и гуманитарных наук, может существенно исказить наши представления об их специфике, принципах построения и перспективах.

В этой связи, самостоятельное освоение материала, связанного с философскими проблемами социальных и гуманитарных наук, должно идти по трем взаимосвязанным линиям: социокультурные условия возникновения социальных и гуманитарных наук (i), становление и развитие их дисциплинарной структуры (ii), разработка и формирование метода социальных и гуманитарных исследований (iii).

(i) Под социокультурными условиями возникновения социальных и гуманитарных наук следует понимать процесс постепенной институционализации общества интеллектуалов, специализирующихся на исследованиях формы и содержания, базовых для социальных и гуманитарных наук, концептов: «Человек», «Общество», «Культура», «История». В рамках данного процесса можно выделить как внешние, так и внутренние условия, определяющие направленность и скорость институционализации научного сообщества – носителя социальных и гуманитарных знаний.

К внешним условиям следует отнести процессы постепенного снижения роли и значения уже имеющихся традиционных систем знания: мифологии и религии, – по-своему интерпретирующих базовые для будущих социальных и гуманитарных наук концепты. Секуляризация общества (кризис религиозного сознания) и смена культурной доминанты (выдвижение на эту роль науки в рамках культуры новоевропейского образца) – вот наиболее общие и влиятельные тенденции, определяющие социокультурный фон для становления и развития социальных и гуманитарных наук.

К внутренним условиям следует отнести процессы постепенного оформления самих границ интеллектуального сообщества, разделяющих стремление рассматривать в качестве базовых, для создаваемых ими систем знания, концепты: «Человек», «Общество», «Культура», «История». Процессы выделения интеллектуального сообщества, сформировавшего в будущем институциональную основу для производства и воспроизводства систем социального и гуманитарного знания, связаны с обращением к новым темам и стандартам аргументации, существенно отличным от принятых в традиционных системах знания религии и мифологии; прежние представления о человеке, обществе, культуре и истории становятся объектом рациональной критики, постепенно вырабатывая все необходимые ингредиенты для создания особого метода социальных и гуманитарных наук.

(ii) Становление и развитие дисциплинарной структуры социальных и гуманитарных наук играет ключевую роль в истории социальных и гуманитарных наук; именно это позволило преодолеть тривиальную тенденцию экстенсивного роста корпуса социально-гуманитарных знаний, формируя основы для создания

системного и целостного набора идей, описывающих и интерпретирующих содержание концептов «Человек», «Общество», «Культура», «История». Появление разветвленной сети социальных и гуманитарных дисциплин создало все необходимые условия для парадигмального развития социальной и гуманитарной мысли, делая интерес к человеку, обществу, культуре и истории элементом общей системы научного знания. Иными словами, становление и развитие дисциплинарной матрицы в области социальных и гуманитарных исследований играет роль своеобразной границы, позволяющей различить две формы бытования знаний о человеке, обществе, культуре и истории: как простую совокупность представлений, тематически сложившихся вокруг базовых концептов «Человек», «Общество», «Культура» и «История», и как системное и институционально оформленное целое – социальные и гуманитарные науки.

Дисциплинарная история социальных и гуманитарных наук проходит в три этапа: додисциплинарный (вторая половина XVII в. – первая половина XIX в.), дисциплинарный (вторая половина XIX в. – первая половина XX в.) и постдисциплинарный (вторая половина XX в. – настоящее время).

Додисциплинарный этап характеризуется развернутой рациональной критикой имеющихся представлений о человеке, обществе, культуре и истории, постепенно поднявшейся до философского уровня, позволив тем самым приступить к разработке философских оснований социальных и гуманитарных наук.

Дисциплинарный этап связан с интенсивными процессами оформления внешних и внутренних границ дисциплинарной матрицы социальных и гуманитарных наук (социология, психология, история).

Эти процессы протекали в условиях острой конкурентной борьбы взглядов на основания социальных и гуманитарных наук и инициировали серию ожесточенных методологических споров (*Methodenstreit*), оформивших две магистральные линии для развития социальных и гуманитарных исследований: прежде всего, неокантианскую демаркационную программу (позднее трансформировавшуюся в антинатуралистское/культурцентристское течение), устанавливающую различие и противостояние для наук о природе (*Naturwissenschaften*) и наук о духе/культуре (*Geisteswissenschaften/Kulturwissenschaften*) как на уровне используемых ими методов, так и на уровне их отношения к ценностям и ценностным суждениям; и наконец, унификационную программу логического позитивизма (задавшую новый импульс для развития натуралистского течения), реализовывавшую принцип неизменности и универсальности критериев научности, и подвергшую радикальной критике все типы исследовательских практик, результаты которых не могут быть редуцированы к совокупностям протокольных предложений.

Постдисциплинарный этап характеризуется процессами постепенной конвергенцией дисциплинарных границ как внутри самих социальных и гуманитарных наук, так и вовне – между социальными и гуманитарными науками и естественнонаучными дисциплинами.

Это проявлялось, прежде всего, в процессах активного междисциплинарного скрещивания тематических полей и методов различных дисциплин в рамках новых исследовательских программ, изучающих традиционные объекты для

социальных и гуманитарных наук (в частности, так называемая когнитивистика при изучении языкового поведения, активно прибегает к синтезу в рамках единого методологического инструментария элементов, принадлежащих философии, лингвистике, семиотике, этнологии, антропологии, биологии, нейрофизиологии и исследованиям в области искусственного интеллекта). Кроме того, широко разделяемой нормой становится появление «зеркальных» исследовательских проектов альтернативных по отношению к традиционному дисциплинарному «разделению труда» (так, в частности, традиционной философской дисциплине – теории познания – противопоставляются оригинальные альтернативы – социология знания и идеологическая история); это нарушает методологическую «чистоту» и принципы своеобразного исследовательского пуризма, привычные для дисциплинарного этапа развития социальных и гуманитарных наук, и открывает широкое междисциплинарное пространство для их движения по самым замысловатым, а зачастую и просто непредсказуемым, методологическим траекториям. Постдисциплинарный этап развития социальных и гуманитарных наук ознаменован также и новой серией ожесточенных споров о методе, инициированной на этот раз исследовательской практикой и риторикой постмодернизма, основой которого стала радикальная критика современной культуры, развернувшего борьбу против любых форм лого-, рацио-, науко-центризма, столь свойственных для европейской культуры, начиная с Нового времени. Постмодернистская критика, прежде всего, в недрах своего философского ядра – постструктурализма, поставив под сомнение все предшествующие и наличные «жесткие» своей схематичностью стандарты рациональности, в том числе и научной, разрабатывает в качестве их методологической альтернативы набор оригинальный набор исследовательских приемов – дискурс-анализ и деконструкцию.

(iii) Философский анализ вопросов, связанных с разработкой метода социальных и гуманитарных наук имеет ключевое значение при решении проблемы специфики социально-гуманитарного знания, позволяя как определить способы производства и воспроизводства знаний в данной отрасли наук, так и установить критерии их оценки, в частности, решить вопрос о правилах применения используемых для этой цели в социальных и гуманитарных науках многочисленных дистинкций «истинность»/«ложность», «fiction»/«non-fiction» и т.д. «Спор о методе» (Methodenstreit), инициированный неокантианской критикой во второй половине XIX века, протекая в условиях активных демаркационных процессов, содержательно предполагал определение четких границ применимости методов объяснения, понимания и интерпретации к области специфических объектов исследования социальных и гуманитарных наук, классифицируемых и систематизируемых при помощи базовых концептов «Человек», «Общество», «Культура» и «История». «Спор о методе» (Methodenstreit) заложил фундамент для двух основных в XX в. исследовательских программ в области социальных и гуманитарных наук: *натурализма* – отрицавшие любые попытки создания особой и отдельной методологии для социальных и гуманитарных наук, и как следствие, тяготевшего к использованию методов, основанных или производных от модели *каузального объяснения*; *антинатурализма/культур-*

центризма – признававшего ограниченность модели каузального объяснения для социальных и гуманитарных наук, и как следствие, настаивающего на создании особой методологии для них, основанием которой должны были стать процедуры *понимания* и *интерпретации*.

В целом, изучаемый в рамках курса «История, философия и методология науки» раздел «Философские проблемы социально-гуманитарных наук» посвящен анализу форм и структуры социального и гуманитарного знания с позиций современной философии и методологии науки. При этом особое внимание уделяется демонстрации специфики социального и гуманитарного знания, его эмпирических и теоретических оснований, категориального аппарата и методологических принципов, предметного поля, когнитивных и социальных функций. Среди задач, решаемых в рамках раздела «Философские проблемы социально-гуманитарных наук», необходимо выделить следующие:

- дать представление об общих контурах философских проблем социальных и гуманитарных наук;
- продемонстрировать, как философскими методами осмысливается важнейшая проблема социальных и гуманитарных наук – проблема соотношения между знанием и действительностью;
- ориентировать на активное использование полученных знаний по истории и методологии социальных и гуманитарных наук в осуществлении научных исследований и процессе подготовки кандидатской диссертации;
- сформировать основы стиля научного мышления, соответствующего современным достижениям в области философии и методологии социальных и гуманитарных наук.

Исходя из указанных выше линий, определяющих логические акценты при освоении учебного материала по разделу «Философские проблемы социальных и гуманитарных дисциплин» в рамках курса «История, философия и методология науки»: социокультурных условий возникновения социальных и гуманитарных наук (*i*), становления и развития их дисциплинарной структуры (*ii*), разработки и формирования метода социальных и гуманитарных исследований (*iii*), – предлагается последовательное изучение ряда тем:

- 1) «Специфика объекта и предмета социально-гуманитарного познания. Дисциплинарный этап социальных и гуманитарных наук».
- 2) «Проблема дисциплинарной демаркации: Geisteswissenschaften/Kulturwissenschaften vs. Naturwissenschaften. Дисциплинарный и постдисциплинарный этапы социальных и гуманитарных наук».
- 3) «Проблема метода в социальных и гуманитарных науках. Структура и функции объяснения, понимания и интерпретации в социальных и гуманитарных науках».

Содержание раздела «Философские проблемы социальных и гуманитарных наук», достаточно широко и подробно представлены в современной научной и учебной литературе по философии науки.

Основная литература:

1. История и философия науки: Учебное пособие. В 4-х книгах. – Кн.1: Общие вопросы / Под ред. Клементьева Д.С. – М., 2009.

2. История и философия науки: Учебное пособие. В 4-х книгах. – Кн.3: История и философия социологии, история и философия политики / Под ред. Клементьева Д.С. – М., 2009.

3. История и философия науки: Учебное пособие. В 4-х книгах. – Кн.4: История и философия экономической науки. История и философия права. История и философия исторической науки / Под ред. Клементьева Д.С. – М., 2010.

Дополнительная литература:

1. Агацци Э. Моральное измерение науки и техники. – М., 1998.

2. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. – М., 2008.

3. Альберт Х. Трактат о критическом разуме. – М., 2010.

4. Аналитическая философия: становление и развитие (антология). – М., 1998.

5. Анкерсмит Ф. Возвышенные исторический опыт. – М., 2007.

6. Апель К.-О. Трансформация философии. – М., 2001.

7. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994.

8. Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук // Собр. соч.: В 7 т. – Т.5. – М., 1996.

9. Бахтин М.М. Проблемы методологии гуманитарного знания. – Петрозаводск, 1999.

10. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995.

11. Берлин И. Понятие научной истории // Подлинная цель познания. – М., 2002.

12. Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. – М., 2011.

13. Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. – № 5-6 (35).

<http://www.ruthenia.ru/logos/number/35/08.pdf>

14. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Избранные произведения. – М., 1990.

15. Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Избранные произведения. – М., 1990.

16. Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. – М., 2003.

17. Виндельбанд В. Философия культуры: Избранное. – М., 1994.

18. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. – Ч.1. – М., 1994.

19. Вригт Г.-Х. Объяснение и понимание // Логико-философские исследования: Избранные труды. – М., 1986.

20. Вригт Г.Х. Объяснение и понимание действий // Логос. 2001. – №2 (28).

http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_2/09_2_2001.htm

21. Гадамер Х.-Г. Истина в науках о духе // Топос. 2000. – №1.

22. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М, 1988.

23. Гемпель К. Логика объяснения. – М., 1998.
24. Гириц К. Интерпретация культур. – М., 2004.
25. Гуманитарные и социально-экономические науки в современном мире. Сборник научных трудов. – М., 2008.
26. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Вопросы философии. 1992. – №4.
27. Дильтей В. Категории жизни // Вопросы философии. 1995. – №10.
28. Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. – Т.1: Введение в науки о духе: опыт полагания основ для изучения общества и истории. – М., 2000.
29. Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. – Т.3: Построение исторического мира в науках о духе. – М., 2004.
30. Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. – Т.4: Герменевтика и теория литературы. – М., 2001.
31. Дрей У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // Философия и методология истории. – М., 1977.
32. Дэвидсон Д. Исследования истины и интерпретации. – М., 2003.
33. Зиммель Г. Проблема исторического времени // Избранное. В 2 тт. – Т.1. – М., 1996.
34. Колпаков В.А. Антинатуралистическая исследовательская программа и экономическая наука // Философские науки. 2008. – №2.
35. Куайн У. С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков. – М., 2010.
36. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М., 1991.
37. Кукарцева М.А. Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы <http://progs-shool.ru/voprosy-filosofii/695-lingvisticheskij-povorot-v-istoriopisanii.html>
38. Кукарцева М.А. Современная философия истории США. – Иваново, 1998.
39. Кун Т. Структура научных революций. – М., 2002.
40. Лакатос И. Фальсификация и методология исследовательских программ. – М., 1995.
41. Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей. – М., 2006.
42. Латур Б. Надежды конструктивизма // Социология вещей. – М., 2006.
43. Лаудан Л. Наука и ценности <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/laudan.html>
44. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. – М., 2001.
45. Летов О.В. Проблема научной объективности. От постпозитивизма к постмодернизму («Личностное знание» М. Полани). – М., 2011.
46. Лиотар Ж.-Ф. Ситуация постмодерна. – СПб., 1998.
47. Коммуникация в современной науке. Сборник переводов. – М., 1978.

48. *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. – М., 2001.
49. *Мамчур Е.А.* Принцип «арациональности» и его границы // *Философия науки.* 2000. – Вып.6.
50. *Микешина Л.А.* Философия познания. Полемические главы. – М., 2002.
51. Национальная гуманитарная наука в мировом контексте. Опыт России и Польши. – М., 2010.
52. *Познание в социальном контексте.* – М., 1994.
53. *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. – М., 1985.
54. *Поппер К.* Логика и рост научного знания. Избранные работы. – М., 1983.
55. *Поппер К.* Объективное знание. Эволюционный подход. – М., 2002.
56. *Про А.* Двенадцать уроков по истории. – М., 2000.
57. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М., 1995.
58. *Риккерт Г.* Границы естественно-научного образования понятий. – СПб., 1998.
59. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. – М., 1998.
60. *Руткевич А.М.* Факты и фикции // *Прошлое историка.* – М., 2006.
61. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Теория исторического знания (учебное пособие для вузов). – СПб.; М., 2008.
62. *Силантьева М.В.* Проблемы логики и теории познания в современном гуманитарном знании. – М., 2006.
63. *Смит Р.* История гуманитарных наук. – М., 2008.
64. Социальное знание и социальные изменения / Отв. ред. ВТ. Федотова. – М., 2001.
65. *Степин В.С.* Философия науки. Общие проблемы. – М., 2004.
66. *Степин В.С.* Философская антропология и философия науки. – М., 1992.
67. *Субъект. Познание. Деятельность. Антология.* – М., 2002.
68. Тенденции. Философские проблемы социально-гуманитарного знания. – М., 2009.
69. *Уинч П.* Идея социальной науки и ее отношение к философии. – М., 1996.
70. *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. – М., 1986.
71. *Фейерабенд П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания. – М., 2007.
72. *Филиппов А.* Спор о методе невозможен // *Неприкосновенный запас.* 2004. – №3 (35). <http://magazines.russ.ru/nz/2004/35/fil11.html>
73. *Философия / Под ред. В.Д. Губина, Т.Ю. Сидориной.* – М., 2004.
74. *Философия социальных и гуманитарных наук / под ред. С.А. Лебедева.* – М., 2008.
75. *Философия науки: общие проблемы познания. Методология естественных и гуманитарных наук: Хрестоматия / Отв. ред.-сост. В.А. Микешина.* – М., 2005.
76. *Фуко М.* Археология знания. – СПб., 2012.

77. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. – СПб., 1994.
78. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб., 2000.
79. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». – М., 2007.
80. Хайдеггер М. Исследовательская работа В. Дильтея и борьба за историческое мировоззрение в наши дни // Вопросы философии. 1996. – №2.
81. Хоакин Х.А. Религия и релятивизм во взглядах Людвиг Витгенштейна. – Екатеринбург, 2011.
82. Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. – М., 2011.
83. Шлейермахер Ф. Герменевтика. – СПб., 2004.
84. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. – М., 2000.
85. Эльстер Ю. Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук. – М., 2011.

3.1. Специфика объекта и предмета социально-гуманитарного познания. Додисциплинарный этап развития социальных и гуманитарных наук.

Широкая область, изучаемая системой научных дисциплин и охватываемая понятием социально-гуманитарного знания, – это сложная и вместе с тем целостная система, объединяющая в себе множество элементов, каждый из которых может быть одновременно представлен для нас и как субъективно значимый, и как объективно значимый фрагмент реальности. Социально-гуманитарные знания группируются вокруг ряда базовых концептов – «человек», «общество», «культура» и «история», которые традиционно используются в качестве обозначения отдельных исследовательских перспектив для разных социальных и гуманитарных дисциплин – философии, психологии, антропологии, социологии, культурологи, истории.

Сложность и системность объекта социальных и гуманитарных наук диктует и специфику разрабатываемых ими систем знания.

Во-первых, *множественность детерминации и вариативность объяснений*. Интересующие социальные и гуманитарные науки феномены (например, такие, как человеческое действие и ценностные системы) не могут рассматриваться в качестве строго детерминированных, то есть так, как это делается в естественных науках (например, в физике при анализе материальной системы и действующих на нее сил).

Во-вторых, *трудности наблюдения и опосредованность доступа*. Многие из феноменов, изучаемых социальными и гуманитарными науками, не позволяют строить каузальные объяснения, опирающиеся исключительно на факты (например, как это принято в естественных науках), поскольку доступ к ним опосредован через ту или иную схему интерпретации ненаблюдаемой части феномена (например, объяснение человеческого действия не в терминах «что сделано», а в терминах «в чем смысл и/или цель действия»).

В-третьих, *совмещение субъективно и объективно значимых контекстов*. Исследование и объяснение структуры человеческих действий в области социальных и гуманитарных наук сталкивается с необходимостью четко разграничить объективные и субъективные контексты наших действий; это приводит к следующей исследовательской дилемме: «какие именно из элементов теоретической схемы действия являются действительными категориями мышления того, что совершает действие, и тем самым субъективными в строгом смысле этого слова, а какие – просто приемлемыми схемами интерпретации со стороны наблюдателя, и тем самым объективными категориями?», – которая, зачастую не имеет однозначного решения.

Наконец, в-четвертых, *высокая степень уникальности*. Так, большинство изучаемых СГН объектов и фрагментов реальности имеют статус единичностей; это существенно осложняет построение типологий и классификаций, а также накладывает ограничения на возможную теоретизацию, не позволяя однозначным и строгим образом упорядочить всю область исследования социальных и гуманитарных наук.

Сложность и системность объекта социальных и гуманитарных наук, а также проблематичность его редукции к исследовательским принципам и приемам, характерным для естественных наук, становятся источником для философской рефлексии над основаниями будущих социальных и гуманитарных наук уже на додисциплинарном этапе их становления и развития; этапе, который характеризуется развернутой рациональной критикой имеющихся представлений о человеке, обществе, культуре и истории, постепенно поднявшейся до философского уровня, что позволило приступить к разработке философских оснований социальных и гуманитарных наук.

Среди многочисленных философских штудий направленных на разыскание необходимых оснований социальных и гуманитарных наук следует выделить штудии, принадлежавшие Г.В. Лейбницу, Д. Юму, А. Смит, Ш.-Л. Монтескье и О. Конту; именно эти работы, выполненные в рамках додисциплинарного этапа, определили в основных чертах траектории развития социальных и гуманитарных наук, формируя основы для двух конкурирующих традиций в понимании их статуса, роли и значения: *натурализма* (Д. Юм, А. Смит, Ш.-Л. Монтескье, О. Конт), исследовательская презумпция которого заключалась в последовательном отрицании особого статуса за социальными и гуманитарными науками, в виду отсутствия принципиальных различий между физической (изучаемой естественными науками) и человеческой (изучаемой социальными и гуманитарными науками) природами, предполагалось, что для адекватного понимания человеческой природы достаточно знаний об условиях физической природы, событиях в материальной жизни или структурных свойствах языка; *антинатурализма* (Г.В. Лейбниц), исследовательская презумпция которого заключалась в признании присутствия в человеческой природе особого нередуцируемого деятельного агента – «души/сознания», «духа/ума» (Geist); это определяет особый характер исследований индивидуальной и социальной жизни человека, т.е. использование как методов, так и элементов знаний естественных наук в качестве объяснительной основы оказывается некорректным.

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646-1716 гг.) одним из первых осознал необходимость логического обоснования особого статуса человеческой природы, закладывая тем самым основы для антинатуралистического подхода к природе человека³.

Так, Г.В. Лейбниц полагал, что любое человеческое действие (практическое или ментальное) предполагает далее нередуцируемого унифицированного агента – душу (Geist), – который логически предшествует опыту. Именно наличие у человека души, определяемой Г.В. Лейбницем как самоинициируемая деятельность (т.е. деятельность не имеющая никаких внешних причин), обеспечивает единство человеческой природы и ее особый статус. Для наук о человеке, согласно Г.В. Лейбницу, презумпция души как самоинициируемой деятельности и как основы ментальных и практических действий человека означала невозможность понимания человеческой природы в терминах знаний о природе физической. Тем самым, Г.В. Лейбниц основал философскую позицию, согласно которой и социальный, и психологический анализ человеческой природы основан на вере в реальное присутствие некоторого далее нередуцируемого агента деятельности, дающего начало как индивидуальной природе человека, так и начало обществу/культуре.

Дэвид Юм (1711-1776 гг.), подобно Г.В. Лейбницу, указывая в качестве центральной задачи для своих работ – философский анализ человеческой природы, предложил, тем не менее, иной проект по учреждению новой «науки о человеке»⁴, осуществляемый посредством радикальной реформы современной ему моральной философии. Этот проект предполагал редукцию «рационального агента Г.В. Лейбница» к структуре человеческой практики.

В основание исследований Д. Юма легла идея о необходимости анализа содержаний души (ума) в терминах элементарных «впечатлений» (ощущений и аффектов) и «идей» (образов впечатлений, которые представлены в нашем мышлении и рассуждении). Он поставил под сомнение достоверность приобретаемого нами спекулятивного (т.е. не опирающегося на опыт и здравый смысл) знания, полагая, что опыт более надежен, чем абстрактная теория. Тем самым, скептицизм Юма был направлен против принятия любых форм абстрактного знания за основу исследований человеческих отношений, но не был направлен против практики, именно в практическом действии, согласно Юму, и заключена специфика «наук о человеке».

³ Свойственного, впрочем, в целом для немецкого академического сообщества XVII-XIX вв. в отличие, например, от английского или французского, настроенных намного более натуралистически по отношению к природе человека, – сообщества, унаследовавшего, по-видимому, именно от Г.В. Лейбница склонность к признанию разного рода антинатуралистских доктрин, мода на которые достигает своего пика в период неокантианской критики и «спора о методе» (Methodenstreit), расколовшего доселе единое здание наук на две части – науки о духе/культуре (Geistwissenschaften/Kulturwissenschaften) и науки о природе (Naturwissenschaften).

⁴ Стоит отметить, что Д. Юм в целом придавал социальным и гуманитарным наукам (или «моральной философии», как они тогда именовались) настолько высокий научный статус, насколько это было возможно. Так, Д. Юм отмечал, что: «Нет сколько-нибудь значительного вопроса, решение которого не входило бы в состав наук о человеке, и ни один такой вопрос не может быть решен с какой-либо достоверностью, прежде чем мы познакомимся с этой наукой. Итак, задаваясь целью объяснить принципы человеческой природы, мы в действительности предлагаем полную систему наук, построенную на почти совершенно новом основании, причем это основание единственное, опираясь на которое науки могут стоять достаточно устойчиво». См.: *Юм Д. Трактат о человеческой природе* // Соч. в 2 т. Т.1. – М., 1996. – С.56-57.

Адам Смит (1723-1790 гг.), развивая идеи Д. Юма, в частности, его концепцию «симпатии» как естественного человеческого чувствования, или своеобразного морального чувства, связывающего людей вместе, применил этот исследовательский арсенал к изучению людских действий в рамках социальных отношений, выйдя тем самым за рамки индивидуальной человеческой природы.

Поиски основ этического и практического суждения о человеческой природе А. Смит начинал с фундаментального принципа теории естественного права – всякий человек по внушению природы заботится, без сомнения, прежде всего о самом себе. Появление ясной идеи индивидуальных интересов, индивидов с их конкретными мотивами, объединяющимися для активности политической и экономической, позволяло А. Смиту обратиться к изучению социальной активности и социальных групп и институтов. С его точки зрения, именно «симпатия» есть человеческая способность, ответственная за социальность. Это способность разделять какие бы то ни было чувствования других людей, а значит, социальные отношения не являются порождениями разума или морального чувства. Дальнейшее исследование роли «симпатии» привело А. Смита к интересному выводу: индивиды обретают чувство собственного «Я» посредством социальных отношений; иными словами, симпатия и чувства, вызванные у других нашими собственными действиями, ведут нас к постижению самих себя⁵.

Шарль-Луи де Монтескьё (1689-1755 гг.), считал, что социальный мир, подобно миру физическому, демонстрирует регулярности; полагать иначе, значит признавать абсурдное мнение, согласно которому все происходит по слепой случайности.

Все регулярности отражают законы существования вещей той или иной природы – физической или человеческой. Хотя, согласно Ш.-Л. Монтескьё, люди и наделены разумной и чувствующей природой, что позволяет преследовать им свои цели при помощи положительных законов, установленных ими же самими, тем не менее, законы эти не более произвольны, чем законы природы. При этом обстоятельствами, по мнению Ш.-Л. Монтескьё, позволяющими описать «дух законов», определяющих совместное существование людей, являются история и география присущих им способов жизни.

Работы еще одного француза – *Огюста Конта* (1798-1857 гг.), завершают додисциплинарный этап становления и развития социальных и гуманитарных наук, в них мы находим констатацию необходимости создания автономной социальной науки – «социологии». Это намерение О. Конта, становится началом бурных процессов дисциплинарной демаркации «моральной философии» и «наук о человеке», активизируя действия исследователей в направлении все большего размежевания и специализации некогда единого корпуса социальных и гуманитарных знаний.

Решающим вкладом в возникновение социальной науки как отдельной дисциплины стало формирование О. Контом понятия общества как особого объекта познания – объекта, требующего понимания в собственных терминах, а не в

⁵ Так, возникает метафора общества как зеркала, отражающего нас самих, ставшая излюбленной исследовательской метафорой социологии немного позднее в конце XIX в., в частности, в работах символических интеракционистов Ч. Кули, У. Томаса, Дж. Мида, У. Джеймса, Р. Парка, Р. Блумера, Э. Хьюза, Т. Шибутани и др.

качестве биологического, правового, политического или теологического существа; тем самым общество стало пониматься как символическая репрезентация коллективного человеческого существования и существенная область человеческой практики. Доминирующей перспективой в отношении объекта исследования, обеспечивающего для социологии будущую дисциплинарную независимость, становится новая интерпретация такого базового концепта, как «Общество», понимаемого теперь как единство, к которому люди принадлежат по необходимости (а не по случайности, или в силу их выбора)⁶.

Подводя итоги додисциплинарного развития социальных и гуманитарных наук, следует отметить, что для этого этапа характерными были следующие черты:

Во-первых, отсутствие ясных и четких представлений, как, впрочем, и условий, для широкого теоретического консенсуса в исследовательском сообществе по вопросу о необходимости проведения четких дисциплинарных границ будущих социальных и гуманитарных наук; пока все эти области знания разрабатывались как части единого проекта по научному изучению мира.

Во-вторых, проблема особого и отдельного метода социальных и гуманитарных наук еще не осознается в качестве самостоятельной и значимой; исследователи, не имея пока намерения проводить четкие дисциплинарные границы, пользуются набором методов, который является по-преимуществу общим с естествознанием.

В-третьих, обсуждение границы между физической и человеческой природами, тем не менее, повлекло за собой систематическое изучение общества в виде поисков ответов на вопрос о том, «является ли общество естественным состоянием человека?»; это значит, что науки об индивидуальной человеческой природе становились инициаторами и основанием для размышлений об обществе.

В целом, социальные и гуманитарные исследования додисциплинарного этапа насыщены многочисленными аргументами и контраргументами по поводу сходств и различий между человеческой и физической природами, но в общем виде все это разнообразие можно свести к двум философским презумпциям: антинатуралистической и натуралистической.

Согласно антинатуралистической презумпции, в человеческой природе присутствует нередуцируемый деятельный агент («душа/сознание», «дух/ум», Geist); это определяет особый характер исследований индивидуальной и социальной жизни человека.

Согласно натуралистической презумпции, для адекватного понимания человеческой природы достаточно знания условий физической природы, событий в материальной жизни или структурных свойств языка; никаких ссылок на особого нередуцируемого агента («душу/сознание», «дух/ум», Geist) не требуется.

⁶ Вне сомнений, именно предложенная О. Контом новая интерпретация понятия «общество» стала во всех отношениях реальной исследовательской альтернативой многочисленным версиям волюнтаристских и договорных теорий, господствовавших в области социальных наук на протяжении всей эпохи Просвещения; именно это и обеспечило столь высокую долю внимания работам О. Конта (при их относительно низкой теоретической востребованности) как среди современников, так и более поздних поколений исследователей, развивавших собственные оригинальные проекты социальной науки.

Контрольные вопросы и задания

1. Дайте определения понятиям «Природа» и «Культура». В чем заключены принципиальные различия в понимании культуры и природы?
2. Какие функции выполняет философия по отношению к социальным и гуманитарным наукам?
3. Можно ли согласиться с утверждением о том, что философия разрабатывает базовые для научного познания императивы и презумпции, и именно благодаря этому она выполняет задачу методологического обоснования науки?
4. Дайте определения базовым концептам, вокруг которых группируются социально-гуманитарные знания. Какую роль сыграли эти базовые концепты в становлении социальных и гуманитарных наук?
5. Определите и охарактеризуйте специфику систем знания, разрабатываемых социальными и гуманитарными науками. Какие линии сходства и различия между социально-гуманитарными науками и естественными науками можно указать?
6. Какие аргументы можно привести в пользу того, что особенностью социально-гуманитарных наук является двойственность роли субъекта, который одновременно выступает в двух позициях – как познающий субъект (индивид, научное сообщество или общество) и как часть объекта познания?
7. В чем заключается роль субъекта в структурировании объектов социального и гуманитарного познания?
8. Оцените эпистемологическое значение основных черт додисциплинарного этапа развития социальных и гуманитарных наук. Какие еще черты дополнительно можно выделить в рамках этого этапа?
9. Оцените относительный вклад натурализма и антинатурализма в развитие социальных и гуманитарных наук на додисциплинарном этапе их существования. Какие идеи натурализма и антинатурализма следует рассматривать как решающий вклад в дело становления и развития социальных и гуманитарных наук додисциплинарного этапа?
10. Какое значение для антинатуралистского подхода к социальным и гуманитарным наукам имеют идеи Г.В. Лейбница о нередуцируемом рациональном агенте?
11. Назовите идеи шотландских исследователей Д. Юма и А. Смита, представляющие интерес для современных социальных и гуманитарных наук. В чем их значение для современных социально-гуманитарных исследований?
12. Какую роль сыграли исследования Ш.-Л. Монтескье и О. Конта в развитии социальных и гуманитарных наук додисциплинарного этапа?
13. Обоснуйте, почему именно поиски границы между физической и человеческой природой, характерные для моральной философии XVIII в., стали отправной точкой для развития социальных и гуманитарных наук?
14. В чем заключается диалектика рационального и иррационального в основаниях социальных и гуманитарных наук?

15. Каковы критерии разделения наук на две части: социальные науки и гуманитарные науки?
16. Как можно обосновать идею разделения социальных и гуманитарных наук по предмету: а именно то, что социальные науки изучают общие социальные закономерности, структуру общества и его законы, а гуманитарные науки – человеческий мир?
17. Можно ли согласиться с утверждением о том, что социальные и гуманитарные науки могут быть разделены по используемому в них методу познания, социальные науки – это те, в которых используется метод объяснения, а гуманитарными называют науки, где базовым методологическим средством является понимание?
18. Какие идеи были высказаны в додисциплинарный период по проблеме метода социальных и гуманитарных наук?
19. Как можно прокомментировать утверждение М. Вебера о том, что отнесение к ценностям является не чем иным, как философским истолкованием того специфического научного интереса, который господствует при отборе и формировании объекта социально-гуманитарного исследования?
20. Объясните, каким образом сложившееся на додисциплинарном этапе понимание базового концепта «Общество» обеспечило для социальных наук возможности будущей дисциплинарной независимости?
21. Являются ли социальные и гуманитарные науки ценностно нейтральными или они ценностно ориентированы? Какие аргументы «за» и «против» каждой из позиций об отношениях социально-гуманитарных наук и ценностных систем можно сформулировать?
22. Может ли истинность и объективность служить критериями оценки социально-гуманитарного знания? Какие аргументы «за» и «против» можно привести в пользу каждого из решений?
23. Как можно прокомментировать высказывание о том, что социальная природа науки является методологически значимой для определения ее познавательных идеалов?
24. Какова роль и функции социальных и гуманитарных наук в современном обществе?
25. Можно ли назвать важнейшими функциями социальных и гуманитарных наук стремление к критике и проблематизации действительности человеческого существования?

3.2. Проблема дисциплинарной демаркации: Geisteswissenschaften/Kulturwissenschaften vs. Naturwissenschaften. Дисциплинарный и постдисциплинарный этапы развития социальных и гуманитарных наук.

Дисциплинарный этап развития социальных и гуманитарных наук связан с активными процессами трансформации академических сообществ, которые

протекали на фоне так называемой «университетской революции»⁷, а также процессами активных дисциплинарных войн, определивших два амбивалентных вектора в направлениях будущего развития науки в целом, и социально-гуманитарного знания в частности. Оба этих вектора, сформировавшиеся в условиях дисциплинарных войн, стали своеобразными политическими манифестами сторонников двух разных академических лагерей: (i) тех, кто оценивал дифференциацию и специализацию дисциплин как положительную перспективу для процессов дальнейшего развития науки, открывающую для нее новые теоретические и методологические горизонты, позволяя разрабатывать оригинальный исследовательский инструментарий в рамках каждой из все более автономизирующихся дисциплин, и (ii) тех, кто оценивал такого рода перспективу негативно, ратуя либо за сохранение, либо за реставрацию (теперь уже на новых основаниях), единого здания наук, предлагая с этой целью различные программы реформ, отстаивающих идеалы унификации наук, как казалось, на прочном методологическом фундаменте.

Влияния обоих этих векторов на исследовательское сообщество в период активных дисциплинарных войн проявлялись в последовательной смене таких тенденций, как дифференциации и унификации, наблюдающейся в истории науки.

(i) Вектор дифференциации дисциплин активно влиял на демаркационные процессы внутри науки, инициировав несколько волн дисциплинарных размежеваний.

Во-первых, серию дисциплинарных войн философии и теологии⁸, ознаменовавших подъем философских доктрин идеализма в качестве идеологии «университетской революции»⁹.

Во-вторых, обострение борьбы все более дифференцирующихся дисциплин естествознания против идеалистической натурфилософии (Naturphilosophie), что было связано с появлением в университетах лабораторной науки и новой идеологии радикального (вульгарного) материализма Я. Молешотта,

⁷ Западноевропейская академическая структура и научное сообщество начала XIX века переживают процесс, который вошел в историю под именем «университетской революции», ознаменовавшей окончание реформы средневековой системы образования, и обозначившей главные контуры для создания современного исследовательского университета с центром в сообществе ведущих научных исследований профессоров, имеющего своим фундаментом самые разнообразные ассоциации исследователей, обеспечивающих университету не столько статус «фабрики образования», сколько статус подлинно научного центра. Старт «университетской революции» был дан на территории, занимаемой немецким академическим сообществом, благодаря основанию 16 августа 1809 г. Берлинского университета им. Гумбольдта (Humboldt-Universität zu Berlin).

⁸ Стоит отметить, что принципиальное значение в этих процессах имела активная борьба между факультетами философии и теологии за научный статус (Wissenschaftlichkeit) и приоритет внутри структуры университета; лучшей иллюстрацией этого может служить работа И. Канта «Спор факультетов». См.: Кант И. Спор факультетов. - Калининград, 2002.

⁹ Вызовы, предъявляемые «университетской революцией» к академической среде, а также создаваемые в связи с этим обстоятельства для серьезной «дисциплинарной путаницы», позволяли рассматривать нишу философа в структуре специализирующихся дисциплин как единственную академическую инстанцию, предопределенную на роль «профессионального университетского революционера», что предсказуемым образом воплотилось в намерения крупнейших философов этого периода – И. Канта и И.Г. Фихте, инспирировавших вокруг этого дискуссии и вербовавших своих сторонников в самых широких современных им интеллектуальных кругах. Благодаря этому, не только в немецком академическом сообществе, но и повсеместно – Англии, США и Франции, «университетская революция» сопровождалась ростом академического «веса» идеалистических философий. Подробнее см.: Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск, 2002. – С.802-858.

Л. Бюхнера, К. Фогт, отстаивавших в противовес спекулятивным натурфилософским доктринам идею редукции любых ненаблюдаемых процессов к «чистой» физиологии.

В-третьих, важнейшее для дисциплинарного становления и развития социальных и гуманитарных наук противостояние между философией с одной стороны, и психологией (в особенности, ее эмпирических версий Г. Гельмгольца и В. Вундта), историей и социологией, с другой; именно это противостояние повлекло за собой возникновение двух влиятельнейших философских течений XIX в. – философии жизни и неокантианства, возникших как реакция на давление, которое оказывали на философию вновь образованные, получившие относительную научную автономию и академическую независимость социально-гуманитарные дисциплины – психология, история и социология. Неокантианство (и в особенности его баденская школа – В. Виндельбанд и Г. Риккерт) и философия жизни (прежде всего, В. Дильтей), развернули широкую философскую критику основ социально-гуманитарного знания, пытаясь сохранить за философией ее доминирующее положение «высшего судьи» среди социально-гуманитарных дисциплин (приобретенное ранее, во многом, благодаря академической деятельности И. Канта). Эта критика стала прологом к «спору о методе» (*Methodenstreit*), полемика вокруг которого провела границу между науками о природе (*Naturwissenschaften*) и науками о духе/культуре (*Geisteswissenschaften/Kulturwissenschaften*), а также сформировала новый методологический инструментарий для социальных и гуманитарных наук – герменевтику.

Вильгельм Дильтей (1833-1911 гг.) и его работы, посвященные основаниям социальных и гуманитарных наук стали отправной точкой для «спора о методе» в рамках дисциплинарного этапа их развития.

В условиях все большей обособленности и автономии социальных и гуманитарных наук, а также на фоне того, что английский эмпиризм (Дж.С. Милль) и французский позитивизм (О. Конт) провозглашают идеалом общезначимого знания – естествознание, В. Дильтей берет за задачу определения точных границ между *Naturwissenschaften* – науками о природе, и того, что им было названо *Geisteswissenschaften* – науками о духе.

Разрабатывая центральные понятия философии жизни, В. Дильтей ставит на место так называемого «познающего субъекта» (понимаемого им в соответствии с идеями трансцендентализма И. Канта) «целостного человека», подчеркивая тем самым «тотальность человеческой природы», понимаемой им как «полнота жизни». Иными словами, В. Дильтею не устраивало традиционно принятое в философии спекулятивное установление «Человека» как «совокупности познавательных способностей/функций», поскольку для него любое познавательное отношение всегда включено в более фундаментальное и изначальное – жизненное отношение. Понимая, что дифференцирующиеся социальные и гуманитарные дисциплины рискуют постепенно потерять какие-либо точки соприкосновения, расслаивая «тотальность человеческой природы» на серию частных дисциплинарных перспектив в ее отношении, В. Дильтей предпринимает попытку реформировать основания всех социальных и гуманитарных дисциплин, обеспечив для них тем самым необходимую степень единства и солидар-

ности; именно с этой целью им утверждается идея необходимости психологического и особенно исторического изучения человека, поскольку он полагал, что это должно позволить определить человеческую природу во всем многообразии ее сил, представить человека как желающее, чувствующее, представляющее существо, используя это затем в качестве основы для философского объяснения познания. Собирая будущие науки о духе на новом теоретическом и методологическом фундаменте, В. Дильтей одновременно однозначным образом отделял их от наук природе.

С его точки зрения, различие между науками о природе (Naturwissenschaften) и науками о духе (Geisteswissenschaften) сохраняется и проявляется в оппозиции двух типов переживаний «внутренних» и «внешних»¹⁰: поскольку объекты наук о природе даны нам «извне» и отдельно, а значит, подпадают под «внешние» переживания, то здесь нам приходится сводить все явления к ограниченному числу однозначно определенных элементов и конструировать связи между ними при помощи гипотез, в то время как преимущество «внутреннего» переживания состоит в том, что наша психическая жизнь оказывается дана нам непосредственно и уже как нечто связанное и целостное.

Следующим шагом, из постулированной им оппозиции «внутреннего» и «внешнего» переживания, В. Дильтей выводит противоположность и двух методов исследования – объяснения и понимания: *природу мы объясняем – подводя единичный случай под общий закон, душевную жизнь – постигаем, то есть в понимании участвует наш внутренний опыт.*

Таким образом, В. Дильтей, стремясь как можно четче провести границу между науками о природе (Naturwissenschaften) и науками о духе (Geisteswissenschaften) и исходя из признания дуализма их объекта (мертвое/живое), выводит основания для особого метода последних – понимания, основанного на герменевтических техниках, делая это в пику наукам о мертвой материи и их методам установления причинности (каузального закона).

Вильгельм Виндельбанд (1848-1915 гг.) – представитель Баденской школы неокантианства, считая, что основное дильтеевское различие природы и духа (дуализм объектов) не соответствует действительным исследовательским процедурам существующих социальных и гуманитарных дисциплин, предлагает иное разделение наук: Naturwissenschaften, или науки о природе, и Kulturwissenschaften, или науки о культуре, – разграниченных согласно принципу их логического дуализма (дуализма используемого ими метода). И хотя сама цель такого разделения и демаркации – необходимость обоснования самостоятельного эпистемологического статуса социальных и гуманитарных наук, несводимых к основаниям естествознания – для В. Виндельбанда совпадает с целью, отстаиваемой В. Дильтеем, его не устраивал сам дильтеевский термин «науки о духе» (Geisteswissenschaften), он полагал его явно недостаточным для характеристики действительных различий между естествознанием и социальными и гуманитарными науками, так как принцип материального различия природы и духа (диль-

¹⁰ Необходимо отметить, что для самого В. Дильтея постулируемая им оппозиция двух типов человеческих переживаний – «внутренних» и «внешних» – являлась краеугольным камнем в основании его проекта дескриптивной психологии, рассматриваемой им в качестве реальной исследовательской альтернативы успешно развивавшимся проектам эмпирической психологии, в частности, экспериментальной психологии В. Вундта.

теевский дуализм объектов) не является главным признаком для их демаркации, поскольку из него нельзя вывести их формальную противоположность – т.е. логический дуализм (дуализм методов), названных В. Виндельбандом – *номотетическим*/законоустанавливающим (для наук о природе) и *идиографическим*/индивидуальноописывающим (для наук о культуре) методами.

Иными словами, для В. Виндельбанда нет реальной оппозиции двух миров – Духа и Природы – ведь существует только одна действительность, которая становится природой, если мы рассматриваем ее с точки зрения общего, и которая становится историей, если мы рассматриваем ее с точки зрения индивидуального. Именно для этого В. Виндельбанд и дополняет *материальный* принцип деления наук В. Дильтея (дуализм объектов) *формальным* (дуализмом методов), сосредотачивая внимание не на содержательной специфике знаний, добываемых науками о природе и науками о культуре, а обращаясь к различиям в самом процессе упорядочения и обработки ими своего содержания – т.е. к их методам.

Преимущество дуализма методов для наук о природе и наук о культуре, отстаиваемого В. Виндельбандом, состояло в том, что он позволяет различать дисциплины на основании того аспекта, который они усматривают в общей для них действительности: это – либо *номотетический* поиск общего (так, науки о природе нацелены на получение объективного знания о внешней действительности, основанного на законах причинности, независимых от человека, то есть ориентированы на познание общих, повторяющихся черт изучаемого явления), либо *идиографическое* описание частных, индивидуальных, неповторимых особенностей (когда познание, опирающееся на идиографию, проникает в телеологические, а не каузальные связи, определяя конкретные смыслы, делающие явления фактами культуры).

Предварительные итоги разгоревшегося «спора о методе» подвел другой представитель Баденской школы неокантианства – *Генрих Риккерт* (1863-1936 гг.).

В целом, Г. Риккерт поддержал предложенное В. Виндельбандом различение наук на основе специфики их метода: *генерализирующего*/номотетического, нацеленного на поиск общего, и *индивидуализирующего*/идиографического, осуществляющего поиск особенного, – но дополнил виндельбандовский формальный дуализм методов еще одной оппозицией, а именно различным отношением мышления к своему объекту (так называемым дуализмом отношения). Так, Г. Риккерт полагал, что в ситуации, когда наш познавательный интерес имеет индивидуализирующий характер, то познание зависит не от самих объектов, но от их отнесенности к ценностям, направляющим наш процесс формирования понятий. В этом смысле культура оказывается способом нашего видения мира как некой тотальной отнесенности к нашим ценностям, подобно тому, как природа устанавливается в качестве способа нашего видения мира в отношении к законам.

Предложенное Г. Риккертом дополнение уже существующей системы различий В. Дильтея и В. Виндельбанда, привело к тому, что для исследований в рамках наук о культуре центральное место стало занимать понятие «цен-

ность»¹¹, поскольку процедура отнесения к ценностям превращает любые части действительности в объекты культуры¹². Именно так, привлечение в область методов идеи ценности, то есть совмещение дуализма метода и дуализма отношения, позволило Г. Риккертту предложить иное, нежели у В. Дильтея В. Виндельбанда, – более дробное деление наук, опирающееся теперь на оба этих различия: генерализация/индивидуализация и оценивающее/неоценивающее мышление.

<i>методы ценности</i>	<i>генерализирующий метод</i>	<i>индивидуализирующий метод</i>
<i>неоценивающее мышление</i>	Физика Химия	Геология Эволюционная биология
<i>оценивающее мышление</i>	Социология Экономика	История

Риккертовская схема деления наук позволяет указать когнитивным образом для наук о культуре (Kulturwissenschaften) – историю; это значит, что в самой структуре этой дисциплины оказывается запечатлен специфический метод для наук о культуре, нацеленный на постижение индивидуальных и неповторимых характеристик культурного объекта, поскольку *науки о культуре стремятся избежать «мертвящей всеобщности», ибо культурное значение объекта покоится не на том, что у него есть общего с другими, но именно на том, чем отличается от них*¹³. Таким образом, если предметный мир наук о природе, организованный при помощи генерализирующего метода, представлен в теоретических понятиях естествознания и математических формулах, то предметный мир наук о культуре, организованный при помощи индивидуализирующего метода, превращает окружающую нас действительность в картину «со-бытий» – особого рода предметных образований, предстающих в нашем сознании как связанные с другими событиями, образуя тем самым целостную систему. При этом, каждое из событий «индивидуально», так как имеет собственное значение в их системах, связанных друг с другом в обозримые целостности посредством отнесения каждого из них к общезначимым ценностям¹⁴; а значит, основная задача наук о культуре (Kulturwissenschaften) должна состоять в выявлении системных связей между этими целостностями различных уровней¹⁵.

¹¹ Впервые, кстати, введенное в набор ключевых понятий, используемых неокантианством для категоризации исследуемых ими феноменов Р. Лотце (1817-1881 гг.) – отцом-основателем Баденской школы.

¹² См.: Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М., 1998. – С.92.

¹³ Подробнее см.: Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М., 1998. – С.89-103.

¹⁴ Процедура отнесения к ценности, согласно Г. Риккертту, предстает как удержание в понятии тех характеристик изучаемого объекта, которые наиболее существенны с точки зрения определенной общезначимой ценности. Так, работая с материалом культуры необходимо выявлять то значимое, что основано на всеобщем признании ценности, это-то и гарантирует наивысшую объективность доступную для наук о культуре (Kulturwissenschaften).

¹⁵ В соотношении с объектом ценности образуют искомые Г. Риккертот значимые целостности; например, «красота», взятая нами из области эстетических ценностей, для которых она является ведущей характеристикой, фиксируемой в соответствующих понятиях, «польза» – для хозяйственных ценностей, «справедливость» – для политических ценностей, «святость» – для религиозных ценностей, «добро» – для нравственных ценностей и т.д.

(ii) Вектор унификации дисциплин, был реализован в программе логического позитивизма/эмпиризма¹⁶, или неопозитивизма, предлагавшей тотальную редукцию всех научных знаний к единому стандарту верификации – это означало, что право и статус «научного» (Wissenschaftlichkeit) закреплялось лишь за теми знаниями, которые были выражены в форме эмпирически осмысленных суждений и могли быть сведены системе протокольных предложений (Protokollsätze). Ядром и ведущей исследовательской ассоциацией логического позитивизма был Венский кружок (1927-1938 гг.), собравший под своей эгидой достаточно широкий круг исследователей – философов, логиков, физиков, математиков, экономистов и юристов, среди которых следует особо выделить три фигуры: М. Шлика (1882-1936 гг.), Р. Карнапа (1891-1970 гг.) и О. Нейрата (1882-1945 гг.), именно ими была предложена и систематизирована основная часть идей, которые легли в основу унификационной программы логического позитивизма, опирающейся на пять принципов, соблюдение или нарушение которых, позволяло признать или отклонить «научный» статус (Wissenschaftlichkeit) для любой из претендующих на это дисциплин, как естественнонаучной, так и социально-гуманитарной.

Принцип универсальности и неизменности критериев научности (рациональности), предполагал, что достижение статуса «научности» является не случайным исторически изменчивым признаком той или иной дисциплины, а прямым основанием подлинной природы, предоставляемых ею систем знания.

Принцип редуцируемости научного знания к эмпирическому базису, т.е. в конечном счете, к так называемым «чувственным данным», фиксируемым исследователем в некотором «языке наблюдения». Реализация данного принципа вызвала «спор о протокольных предложениях» (Protokollsatz-Streit) внутри самого Венского кружка между сторонниками трех разных проектов языка наблюдения: феноменалистами, физикалистами и конвенционалистами¹⁷.

Принцип верификации, или эмпирической проверяемости, согласно которому научно осмысленными должны считаться только те термины и содержащие их предложения, которые позволяют переходить от одних эмпирических знаний к другим.

Принцип «единой науки», предполагавший возможность создания «унифицированного языка», на который могут быть «переведены» все научные дисциплины (соответственно, невозможность такого перевода есть явный признак ненаучности той или иной области знаний).

Принцип элиминированности субъекта, предполагавший, что подлинно научное знание должно быть свободно от каких бы то ни было черт, связанных с

¹⁶ Термин «логический позитивизм» был впервые использован Г. Фейгелем и А. Блумбергом в качестве удобного и удачного маркера, позволяющего отметить центральную линию исследований, сложившуюся в Венском кружке – логический анализ языка и оснований науки; самим же Венцам, в частности, их основным исследователям-идеологам М. Шлику и Р. Карнапу, в большей степени импонировал термин «логический эмпиризм», поскольку он однозначным образом указывал на пути решения проблем, оказавшихся в центре внимания благодаря логическому анализу принципов научной рациональности. См.: Назарова О.А. Предисловие редактора // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. – М., 2006. – С.11; Никоненко С.В. Аналитическая философия: основные концепции. – СПб., 2007. – С.122-123.

¹⁷ Подробнее см.: Нехаев А.В. Protokollsatz-Streit: феноменализм, физикализм и конвенционализм // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. – №10. – С.16-23.

самим субъектом, поскольку роль субъекта состоит только в получении чувственной информации и дальнейшей ее обработке согласно канонам логики.

Реализация программы логического позитивизма, направленной на унификацию методологических оснований всех без исключения научных дисциплин, напрямую затрагивала существующий корпус социальных и гуманитарных знаний, поскольку угрожала их обесценить в глазах науки, представив их как эмпирически бессмысленные.

Таким образом, если подводить итоги дисциплинарного этапа развития социальных и гуманитарных наук, следует обратить внимание на возникновение двух конкурирующих между собой проектов дисциплинарной демаркации наук.

Во-первых, проекта, соотносящего свои положения с процессами активной дисциплинарной дифференциации в области социальных и гуманитарных наук¹⁸, предложенного в рамках философии жизни В. Дильтеем и неокантианской критики В. Виндельбанда и Г. Риккерта, настаивающего на необходимости размежевания наук о природе (Naturwissenschaften) и наук о духе/культуре (Geisteswissenschaften/Kulturwissenschaften) по тем или иным основаниям: дуализм объекта, дуализм метода, дуализм отношений.

Во-вторых, проекта, предложенного логическими позитивистами, поддерживающих идеологию унификации наук и не склонных к противопоставлению естествознания и социально-гуманитарных знаний, но в то же самое время стремящихся к четкой фиксации границ, пролегающих теперь не между отдельными дисциплинами или их даже составленными из них комплексами наук, а между наукой и не-наукой посредством установления строгих способов проверки смысла и значения выдвигаемых наукой предложений, т.е. способов их верификации.

Опасная теоретическая атака, предпринятая логическими позитивистами на социальные и гуманитарные науки, поставившая под вопрос их «научность» (Wissenschaftlichkeit) и «осмысленность», создавала, правда, уже в рамках постдисциплинарного этапа развития социальных и гуманитарных наук, необходимые условия для появления в качестве прямой реакции на унификационную программу логического позитивизма новой серии оригинальных исследовательских программ, по-иному оценивающих научный статус социальных и гуманитарных знаний – критического рационализма и фальсификационизма К. Поппера, «парадигмальной» концепции истории науки Т. Куна, эдинбургской «сильной» программы социологии знаний Д. Блура и Б. Барнса, этнометодологической версии социального конструктивизма Бр. Латтура, исследований коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса и многих других.

Постдисциплинарный этап развития социальных и гуманитарных наук, расширяя и углубляя пространство рефлексии над их основаниями, тематизирует полученные в ходе этого результаты по четырем направлениям, описывающим комплексные детерминанты для всего современного научного знания.

¹⁸ Здесь также стоит отметить и то, что параллельно с процессами все большей и большей дифференциации переживаемых социальными и гуманитарными науками, образующими достаточно разветвленную дисциплинарную матрицу: история, социология, экономика, философия и т.д., – идут и процессы определения всех ключевых проблематик и тематик социальных и гуманитарных наук, т.е. складывается круг основных вопросов, на которые они должны найти ответы.

Первым направлением становится критическая ревизия уже имеющихся решений по *проблеме дихотомии эмпирических и теоретических элементов* в составе социально-гуманитарных знаний. Как результат, возникает и все более укрепляет свои позиции, расширяя привлекаемую аргументную базу, представление о том, что любые факты нам даны лишь в описаниях, а значит, они всегда теоретически «нагружены». Открытие так называемой «теоретической "нагруженности" фактов»¹⁹ стало переломным моментом в борьбе логического позитивизма за унификацию науки, которая хотя и была проиграна, но придала новый импульс для оригинального творчества; после развернутой критики У. Селларсом «мифа о данном»²⁰, развенчавшей идею того, что наука имеет и/или может иметь дело с «чистыми» фактами, и саркастичного анализа «двух догм эмпиризма»²¹ У. Куайном, разрушившего надежды на возможность обретения «чистого» языка науки, не связанного ни с какими прагматическими предпочтениями, возникает новая основа для широкого междисциплинарного теоретического консенсуса по вопросу того, «что» и «как» изучает наука и в чем именно заключается цензурная роль «научности» по отношению к различным системам знаний.

¹⁹ Суть принципа «теоретической "нагруженности" факта» очень ясно формулируется в утверждении о том, что любая теория сама формирует факты, разделяемом такими теоретиками и методологами науки, как Л. Флек, Т. Кун, М. Полани, Н. Хэнсон. Следует также отметить, что подобного рода утверждения, направленные против чрезмерно оптимистично настроенного позитивизма, хотя и в еще более радикальной форме, отстаивались и Ф. Ницше, согласно которому фактов просто не существует, а есть только интерпретации, иными словами, любое стремление к установлению «факта» бессмысленно, поскольку оказывается невозможным «...установить никакого факта "в себе"...». См.: *Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей*. – М., 2005. – С.281. При этом Ф. Ницше склонен изменить и сам характер «познания», усматривая в нем лишь «толкование» и «осмысливание», но отнюдь не «объяснение», что, взятое в контексте отсутствия каких-либо устойчивых «фактов», подталкивает его к парадоксальному, как кажется на первый взгляд, суждению о том, «...наиболее прочны еще, пожалуй, наши мнения...». См.: *Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей*. – М., 2005. – С.346.

²⁰ Согласно «мифу о данном», эпистемологическим фундаментом знания, в том числе и научного, являются первичные «данные» ощущений, якобы приобретаемые субъектом без какого-либо предварительного обучения, лишь в процессе непосредственного чувственного контакта с внешним миром. Этому «мифу» У. Селларс противопоставил учение о том, что ощущения и восприятия становятся «данными», только будучи интерпретированы в некоторой языковой системе, обучение которой является прямой и необходимой предпосылкой всякого осмысленного наблюдения; все, что человек ощущает или воспринимает, определено языковым «каркасом», которым он пользуется. См.: *Sellars W. Science, Perception and Reality*. – N.Y., 1963.

²¹ У. Куайн – один из наиболее авторитетных аналитических философов подверг критике две центральные догмы логического позитивизма – дихотомию синтетических и аналитических элементов теории, то есть предложений, имеющих эмпирическое содержание, и предложений, лишенных его, зависящих только от значения составляющих их терминов, и догму редукционизма – тезис о независимом языке наблюдения. См.: *Куайн У. Две догмы эмпиризма // С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков*. – М., 2010. – С.45-80; *Куайн В. О том, что есть // С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков*. – М., 2010. – С.21-44. Причину этих догм У. Куайн усматривает в ошибочной установке логических позитивистов, исследовавших предложения изолированно, отвлекаясь от их роли в контексте языковой системы или теории. Разумной альтернативой такой «атомистической» модели познания может быть, согласно У. Куайну, только концептуалистский холизм и когерентизм. С холистской точки зрения проверка в науке подлежат не отдельные, или «атомарные», элементы теории, а вся теория как система взаимосвязанных предложений, иными словами, наши высказывания о внешнем мире предстают перед трибуналом чувственного опыта не индивидуально, а только как единое целое. Эмпирическое значение, таким образом, рассеивается по всей системе, смысловые элементы которой – гипотезы, предложения, отдельные термины, – полностью детерминируются наличествующим контекстом, то есть теми отношениями, которые между ними складываются. Таким образом, предлагаемый У. Куайном холизм отказывает теоретическому знанию в остовах из аналитических предложений и одновременно эмпирическому содержанию, или значению, в остовах из «протоколов наблюдения», так что теория оказывается только слегка затронутой внешними эмпирическими условиями, иными словами, теория всегда есть продукт свободного творчества, при котором можно отвергать одни предложения в пользу других.

Вторым направлением становится критика предложенных логическим позитивизмом решений по *проблеме эпистемологических критериев «научности»* (Wissenschaftlichkeit). Критика многочисленных догм эмпиризма была использована некоторыми постпозитивистски настроенными теоретиками и методологами науки, в частности, критическими рационалистами, вдохновляемыми К. Поппером, в интересах разрушения ядра унификационной программы логического позитивизма – принципа верификации. Взамен этого, как казалось слишком оптимистичного, принципа К. Поппером был предложен другой, более реалистичный – принцип фальсификации²², что стало прологом к повсеместному распространению идеология фаллибилизма, предполагавшей, что любое научное знание принципиально не является окончательным, а есть лишь «рабочая» и пока «работающая» интерпретация некоторого фрагмента реальности, интересующего исследователя, которая рано или поздно будет отвергнута и заменена другой «лучше работающей» интерпретацией.

Третьим направлением становится *исследование научной коммуникации и дискурса*. Прежняя «утилитарная» модель коммуникации в науке, согласно которой ее единственной функцией и предназначением является простая передача единиц информации, оказалась поставленной под вопрос исследованиями свойств коммуникативной рациональности Ю. Хабермасом, установившего не нормативный (т.е. по предписанию), а процедурный (т.е. по согласованию) характер рациональности для любых систем наших знаний; это означало, что количество инстанций, от которых теперь зависело признание за знанием его рационального статуса, существенно увеличилось, поскольку презумпция рациональности устанавливалась не формой его представления, но способностями по достижению консенсуса на его основе между всеми сторонами, участвующими в коммуникации²³.

Наконец, четвертое направление оказывается связано с открытием *феномена «социокультурной "нагруженности" научной рациональности»*, постепенно ставшего новой теоретической площадкой для ренессанса всех форм социально-гуманитарного знания, поскольку теперь предполагалось, что ни одна из существующих научных теорий, как впрочем, и сама научная рациональность, не может для своего правильного понимания обойтись без соответствующей экспертизы социокультурных условий ее возникновения²⁴. Многочисленные

²² Так, критический рационализм в духе К. Поппера, предлагал рассматривать процесс познания как последовательную смену предположений и опровержений (фальсификаций), которую в самом общем виде можно представить следующей схемой: $\langle P_1 \rightarrow TT_1 \rightarrow EE_1 \rightarrow P_2 \rightarrow TT_2 \rightarrow EE_2 \rightarrow \dots \rightarrow P_n \rightarrow \dots \rangle$, где $\langle P_1 \rangle$ (Problem) есть определенного рода исходная проблемная ситуация, которая требует объяснения; $\langle TT_1 \rangle$ (Tentative Theory) – это некоторая первая «пробная теория», то есть первое основанное на воображении предположительное объяснение, или пробная интерпретация, исходной проблемной ситуации – $\langle P_1 \rangle$; $\langle EE_1 \rangle$ (Error Elimination) – это операция по исключению возможных ошибок, то есть определенное жесткое критическое исследование первого предположительного объяснения $\langle TT_1 \rangle$, которое может состоять, например, в критическом использовании эмпирических свидетельств; и наконец, $\langle P_2, \dots, P_n \rangle$ – это исходная проблемная ситуация $\langle P_1 \rangle$, какой она выступает после первой и последующих попыток $\langle TT_1, TT_2, \dots, TT_n \rangle$ дать ее объяснение при выполнении, разумеется, необходимых процедур критической проверки $\langle EE_1, EE_2, \dots, EE_n \rangle$.

²³ В этом смысле, можно утверждать, что любая система знаний рациональна ровно на столько, на сколько на ее основе оказывается возможной и широкой согласованность между всеми участниками коммуникации.

²⁴ Это требование становится столь повсеместным и влиятельным, что Л. Лаудан, стремясь спасти хотя бы какие-то остатки от прежнего классического понимания научной рациональности (как транзисторичной и трансцендентной по своим структурам и функциям по отношению к социокультурным условиям своего суще-

исследования, вдохновляемые эдинбургской «сильной» программой социологии знаний Д. Блура и Б. Барнса, этнометодологической версией социального конструктивизма Бр. Латура, убедительно обосновывали идею о том, что объекты физики (вещи) и даже математики (числа) являются столь же культурно и социально конструируемыми объектами, так и вполне традиционные объекты исследования социальных и гуманитарных наук, фиксируемые в таких базовых концептах, как «Человек», «Общество», «Культура», «История».

В целом, панорама современной философской рефлексии над основаниями науки позволяет зафиксировать широкую теоретическую платформу, опираясь на которую социальные и гуманитарные науки переживает новую волну интереса к ним. Сама философская рефлексия над основаниями науки переживает бурный социокультурный переворот: незыблемые прежде основания естественнонаучного знания историзируются, а их объекты начинают рассматриваться как культурно или социально конструируемые целостности.

Внимательный анализ представленной выше схемы позволяет утверждать, что в поле современной философской, социологической и историко-культурной рефлексии над основаниями науки сложилась широкая теоретическая платформа, включающая в себя позиции критического рационализма Дж. Агасси, социологии знания Д. Блура и социального конструктивизма Бр. Латура, общим положением которое они все разделяют является утверждение о принципиальной нередуцируемости социокультурного «осадка», как одной из важнейших составляющих научной рациональности (понимаемой теперь скорее как социорациональность); это стимулирует активный рост и развитие всех форм социально-гуманитарных исследований, позволяющих разрабатывать новые оригинальные системы взглядов на то, чем именно является этот далее «нерастворимый» социокультурный «осадок».

ствования), был вынужден, стремясь ограничить неконтролируемое, как ему казалось, распространение социологических и культурологических трактовок науки, сформулировать свой, широко ныне обсуждаемый, принцип «арациональности», согласно которому «...социология познания может вступать в силу и применяться для объяснения научных идей только тогда, когда эти идеи не могут быть объяснены в терминах их рациональных достоинств...». См.: Laudan L. Progress and its Problems. Towards a Theory of Scientific Growth. – L., 1977. – P.202. Также см.: Мамчур Е.А. Принцип «арациональности» и его границы // Философия науки. 2000. – Вып.6. – С.10-16.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем роль и значение «университетской революции» и демаркационных войн XIX в. для развития социальных и гуманитарных наук?
2. Какие два вектора, определяющие дисциплинарное развитие науки можно обнаружить в период «университетской революции» и демаркационных войн XIX в.?
3. Дайте характеристику тенденциям дисциплинарной дифференциации. Кто и почему поддерживал идею дисциплинарного размежевания?
4. Дайте характеристику тенденциям дисциплинарной унификации. Кто и почему поддерживал такого рода тенденцию?
5. Дайте характеристику дисциплинарного этапа развития социальных и гуманитарных наук. Какие новые, по сравнению с додисциплинарным этапом, идеи были высказаны в отношении философских проблем социально-гуманитарного знания?
6. Какие основные идеи были высказаны в отношении социальных и гуманитарных наук в ходе «спора о методе» (Methodenstreit)?
7. Какие критерии для размежевания наук о природе (Naturwissenschaften) и наук о духе (Geisteswissenschaften) были сформулированы на дисциплинарном этапе развития социально-гуманитарного знания?
8. Как можно охарактеризовать идеи В. Дильтея, высказанные им в отношении специфики наук о духе (Geisteswissenschaften)? Какую роль в его системе взглядов на науки о духе (Geisteswissenschaften) играет принцип «дуализма объектов»?
9. Какие идеи о специфике наук о культуре (Kulturwissenschaften) были высказаны В. Виндельбандом? Какую роль в его системе взглядов на социально-гуманитарное знание играет принцип «дуализма методов»?
10. В каком направлении развивал Г. Риккерт идеи В. Виндельбанда о специфическом методе социальных и гуманитарных наук? Какую роль в системе взглядов на науки о культуре (Kulturwissenschaften) Г. Риккерта играет понятие «ценность»?
11. Что такое «Культура» и «Природа» в понимании Г. Риккерта?
12. Сравните взгляды В. Дильтея и представителей Баденской школы неокантианства В. Виндельбанда и Г. Риккерта по проблеме оснований социально-гуманитарного знания? В чем заключаются их сходства и различия?
13. Охарактеризуйте номотетический/генерализирующий и идеографический/индивидуализирующий методы, предложенные неокантианцами Баденской школы В. Виндельбандом и Г. Риккертом. В чем заключается различие между ними?
14. Почему именно дисциплина «История», согласно взглядам Г. Риккерта, является когнитивным образом для наук о культуре (Kulturwissenschaften)?
15. Какие принципы легли в основу программы логического позитивизма по унификации оснований наук?
16. Удовлетворяют ли социально-гуманитарные знания критериям научности, которые были предложены логическими позитивистами?

17. В чем заключаются роль и значение унификационной программы логического позитивизма для социальных и гуманитарных наук на дисциплинарном этапе их развития?
18. Дайте характеристику постдисциплинарного этапа развития социальных и гуманитарных наук. Какие новые идеи были высказаны в отношении философских проблем социально-гуманитарного знания?
19. Что такое «теоретическая "нагруженность" фактов»?
20. Какие основные направления рефлексии над основаниями социальных и гуманитарных знаний были сформированы на постдисциплинарном этапе их развития?
21. Как критика «мифов» и «догм» эмпиризма У. Селларсом и У. Куайном повлияла на развитие социальных и гуманитарных наук?
22. Как можно оценить значение идей К. Поппера о фальсификации как критерии научности и развитие идеологии фаллибилизма для развития социальных и гуманитарных наук?
23. Что такое «коммуникативная рациональность» согласно взглядам Ю. Хабермаса?
24. Какие исследователи отстаивали идею о социокультурной "нагруженности" научной рациональности? В чем заключается значение этой идеи для социально-гуманитарного знания? В чем именно заключается требования, заложенные в принципе «арациональности» Л. Лаудана?
25. Какие исследовательские горизонты и перспективы для развития современных социальных и гуманитарных наук можно наметить, исходя из имеющихся проектов постдисциплинарной рефлексии над основаниями социально-гуманитарного знания?

3.6.3. Проблема метода в социальных и гуманитарных науках. Структура и функции объяснения, понимания и интерпретации в социальных и гуманитарных науках.

«Спор о методе» (Methodenstreit), инициированный в основном неокантианской критикой во второй половине XIX в. и протекавший в условиях активных демаркационных процессов и дисциплинарной дифференциации, содержательно предполагал поиски и определение четких границ применимости процедур объяснения, понимания и интерпретации к области специфических объектов социальных и гуманитарных наук.

Вне сомнений, именно «спор о методе» (Methodenstreit) заложил фундаменты для двух основных исследовательских программ – *натурализма* (i) и *анти-натурализма* (ii) – в области социальных и гуманитарных наук. Обе эти исследовательские программы сложились в основных своих чертах к середине XX в., и стали влиятельными когнитивными ориентирами, определяющими современные исследовательские практики в области социальных и гуманитарных исследований.

(i) *Натурализм* в качестве оригинальной исследовательской программы в области социальных и гуманитарных наук строится на признании избыточности любых попыток по созданию особой методологии для социальных и гуманитарных наук, поскольку все стоящие перед ними когнитивные задачи предполагается решить при помощи использования методов, основанных или производных от модели *каузального объяснения*²⁵. Среди сторонников натурализма внесших наиболее серьезный вклад в разработку логических оснований модели каузального объяснения и создание его социально-гуманитарных приложений следует отметить Э. Нагеля, Дж. Смарта, К. Гемпеля, А. Данто.

В общем виде *объяснение* принято рассматривать как познавательную процедуру, которая ориентирована на установление и описание каузальных (причинно-следственных) связей, существующих между явлениями, посредством описания механизма их взаимодействия. При этом в структуре объяснения как познавательной процедуры можно выделить следующие элементы: *экспланандум* – то, что требуется объяснить, включающее в себя в том числе и исходное знание о подлежащем объяснению явлении; *эксплананс* – то, посредством чего предполагается объяснить интересующее явление, включающее в себя знание о том, что стало причиной.

Типологически принято различать две модели каузальных объяснений: *стандартную* и *конверсную/обращенную*.

В стандартной модели каузации объяснение идет через причину, или при помощи ссылки на значение антецедента в условном высказывании, фиксирующем причинно-следственные отношения между явлениями. Вариативность объяснений, получаемых при помощи стандартной модели, прежде всего, связана с тем, что искомому объяснению могут подлежать либо строго детерминированные ситуации – когда нам даны все антецеденты и возможен лишь один вполне определенный консеквент, то есть отношения между ними осуществляется по принципу «один к одному»/«многие к одному», либо нестрого детерминированные ситуации – когда даны все антецеденты, но возможен более чем один консеквент, то есть отношения между ними осуществляется по принципу «один ко многим»/«многие ко многим».

В конверсной/обращенной модели каузации объяснение строится в противоположном для стандартной модели направлении, оно устанавливается через следствие, или при помощи ссылки на значение консеквента в условном выска-

²⁵ Самой разветвленной и разработанной моделью каузального объяснения, реализующей основные методологические императивы натурализма, является, пожалуй, так называемая «модель охватывающих законов» К. Гемпеля (МОЗ). В основу этой модели легла чисто натуралистическая идея о том, что «охватывающие» законы могут играть в социальных и гуманитарных науках (например, в истории) роль – подобную той, которую они выполняют в науках о природе. См.: Гемпель К. Функция общих законов в истории // Логика объяснения. – М., 1998. – С.16-31. Многие из исследователей, интересующиеся методологией социальных и гуманитарных наук, в частности, проблемами историописания, отмечают, что имплицитные «модели охватывающих» законов методологические принципы свойственны для историографии в целом; хотя строгое определение сущности исторических объяснений в терминах «каузации» есть отличительная черта именно западного исторического мышления. Например, см.: Кукарцева М.А. Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // <http://progs-shool.ru/voprosy-filosofii/695-lingvisticheskij-povorot-v-istoriopisanii.html>.

зывании, которое фиксирует причинно-следственные отношения между интересующими нас явлениями²⁶.

Сторонники натурализма, ратуящие за активное использование в исследовательских практиках социальных и гуманитарных наук моделей каузального объяснения, настаивают на том, что вся специфика социально-гуманитарного знания по отношению к естествознанию может быть сведена к признанию того, что в отличие от естествознания ситуации, требующие своего объяснения в социально-гуманитарных исследованиях, либо являются нестрого детерминированными, либо могут быть объяснены только на основе конверсной/обращенной модели каузации.

Наконец, важное место в натуралистической критике исследовательских практик социальных и гуманитарных наук занимает указание на изобилие в них разнообразных квазиформ объяснения ошибочно или некорректно истолковываемых как подлинные каузации. Подлинное каузальное объяснение по своей структуре и функциям не совпадает и не может быть редуцировано к следующим типам высказываний и познавательным процедурам²⁷:

Тривиально истинным утверждениям, так как для того, чтобы дать каузальное объяснение не достаточно привести причину, должен быть указан (или по крайней мере предложен) механизм, реализующий действие причины на следствие; при этом зачастую в социальных и гуманитарных науках механизм не задается эксплицитно, вместо этого на такой механизм указывает сам способ описания причины, но поскольку каждое событие или факт могут быть описаны самыми разными способами, то из них избираются только те, что кажутся релевантными с точки зрения подразумеваемой причины.

Высказываниям о корреляциях, ведь если иногда и можно с уверенностью утверждать, что за событием одного типа всегда или как правило следует событие другого типа, тем не менее это не позволяет нам утверждать, что события первого типа вызывают (являются причинами) событий второго типа, поскольку ода типа событий могут быть общим следствием третьего типа событий, ко-

²⁶ Здесь, правда, стоит отметить, что некоторые из наиболее осторожных из логиков и методологов науки (например, все тот же К. Гемпель), исследовавших свойства каузации и связанные с этим модели номотетико-дедуктивной организации наших знаний, предостерегали от «слепого» доверия условным суждениям, используемым нами для выражения набора рабочих гипотез, с помощью которых мы намериваемся строить свои объяснения. Так, не следует забывать, что в логике любое условное суждение может иметь несколько логически эквивалентных форм (например, $a \supset b \equiv b' \supset a'$), а это значит, что дилемма, стоящая перед любым исследователем заключается в выборе нужной логической формы используемой гипотезы, поскольку в противном случае ее подтверждение может сыграть с нами злую шутку, особенно если мы признаем логическую эквивалентность тождественной эмпирической и будем утверждать, что подтверждение любой из логических форм нашей гипотезы подтверждает и все эквивалентные с ней формы. В целях иллюстрации такого рода ситуаций, можно воспользоваться примером самого К. Гемпеля: так, если из ряда логических форм одного и того же условного суждения, например, «все вороны суть черные» и «все не-черное суть не-ворон», мы выберем в качестве кандидата для проверки его вторую форму, то помимо того, что подтверждением этой гипотезы станет все, что угодно (лишь бы оно было не-черным и не-вороном, в частности, любой белый лист бумаги на моем столе сгодится для этого), мы еще и рискуем опрометчиво распространить результаты нашей верификации на все логически эквивалентные с ней формы. См.: Гемпель К. Исследования по логике подтверждения // Логика объяснения. – М., 1998. – С.32-88.

²⁷ Более подробную и развернутую типологию того, что не является подлинным каузальным объяснением см.: Эльстер Ю. Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук. – М., 2011. – С.32-41.

торое нам неизвестно или нами неуказанно, да и само направление корреляции может быть неоднозначным или неустановленным.

Утверждениям о необходимости, поскольку объяснить какое-то событие – значит показать почему оно произошло именно так, как произошло, иными словами, любые указания на то, что обстоятельства могли сложиться иначе и сложились бы, не случись то, что случилось, не проясняет, а скорее затемняет, действие причинного механизма.

Рассказыванию историй, так как подлинное каузальное объяснение передает то, что произошло в том виде, в каком оно произошло, в то время как рассказывать историю – значит указать на то, что произошло так, как оно могло произойти (и возможно, так и произошло); иными словами, каузальные объяснения отличаются от рассказов о том, что могло произойти, то есть от разного рода интерпретационных моделей, основе которых лежит принцип «как если бы...».

Статистическим обобщениям, в силу того, что использование статистических обобщений не может претендовать на статус подлинного каузального объяснения, поскольку не преследует целей объяснения каждого конкретного события; иными словами, предположение о том, что обобщение, справедливое для большинства событий, верно в каждом отдельном случае, – не является обоснованным²⁸.

(ii) *Антинатурализм*, признававший в свою очередь ограниченность модели каузального объяснения как когнитивного образца для социальных и гуманитарных наук, отстаивал и сознательно воплощал проекты по созданию для них особой методологии, основанием которой должны были стать процедуры *понимания и интерпретации*.

Признание за *пониманием* статуса познавательной процедуры, ориентированной на поиски и установление смысла и значения явлений, скрытых, прежде всего, в формах разнообразных речевых и языковых практик (это зачастую позволяло отождествить и редуцировать понимание к множеству герменевтических техник), может рассматриваться нами как, пожалуй, наиболее распространенная его трактовка, именно ее в общем виде разделяли создатели герменевтики – Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, Х.-Г. Гадамер, сделавшие именно понимание когнитивным ядром социальных и гуманитарных наук.

В отличие от модели каузального объяснения, структура понимания либо слабо, либо в принципе не формализуема, уже в силу того, что понимание функционально ориентировано на индивидуальные акты постижения смысловых образований, образуемых в конкретно-исторических контекстах, тем не менее, понимание в общем виде включает в себя следующие ингредиенты: во-первых, *языковой или речевой факт*, при помощи которого мы обнаруживаем то, что подлежит понимающему истолкованию – некий смысловой или значащий комплекс, выраженный в действии или намерении агента; во-вторых, *сам смысловой или значащий комплекс*, подлежащий понимающему истолкованию; наконец, в-третьих, *свод правил и приемов*, характеризующих используемую

²⁸ Например, историк в отличие от физика по-преимуществу имеет дело только со следствиями, подыскивая для них надлежащие причины, а это значит, что он обречен использовать лишь конверсные/обращенные модели объяснения.

технику понимающего истолкования – так называемый *герменевтический канон*.

В истории герменевтики наибольшее признание и распространение получили три ее канона: *филологический* Ф. Шлейермахера, *историко-психологический* В. Дильтея и *философский* Х.-Г. Гадамера.

Фридрих Шлейермахер (1768-1834 гг.), которого рассматривают как отца основателя современной герменевтики, или, по крайней мере, ее филологического канона, определял герменевтику как учение о взаимосвязи правил понимания, нацеленного на раскрытие смысла сказанного или написанного, и позиционировал ее в качестве фундаментальной для социальных и гуманитарных наук методологии, позволяющей постичь разнообразные формы проявления «духа». При этом, подчеркивая значимость языка и речи для анализа мышления и систем действий человека, Ф. Шлейермахер полагал, что каждый акт понимания на деле есть обратная сторона речи. Это значит, что на деле любой языковой и речевой факт, обнаруживая смысловой комплекс, требующий истолкования, имеет двойственную природу: *так он есть часть общей системы языка, но он также есть и продукт творчества некоторого индивида*.

Как следствие, перед филологической герменевтикой стоит двоякая задача: во-первых, требуется исследовать языковой или речевой факт в качестве элемента определенной языковой системы; во-вторых, необходимо обнаружить некоторую стоящую за языковым или речевым фактом субъективно значимую структуру (т.е. смысл, вкладываемый в него «духом»). На решение первой составляющей задачи нацелены приемы «грамматического истолкования», анализирующие языковой или речевой факт (или чаще всего некоторый текст) как часть определенной лексической системы; это предполагает необходимость сравнения высказываний, составляющих истолковываемый текст, с языковым и историческим контекстом, в котором он создавался (т.е. с иными текстами соответствующей эпохи). На решение второй составляющей задачи нацелены приемы «психологического истолкования», анализирующие индивидуальный стиль, или способ комбинации выражений, не регулируемый или предписываемый лексической системой; это предполагает необходимость интуитивного схватывания смысла истолковываемого текста, и именно здесь обнаруживается так называемый круговой характер процесса понимания – «герменевтический круг»: *понимание части (отдельного слова) невозможно без понимания целого (предложения, в которое это слово входит), но понимание целого, в свою очередь предполагает понимание частей*. Средством же, которое, согласно Ф. Шлейермахеру, позволяет истолковывающему, проникнуть в герменевтический круг и осуществить понимание является так называемая «эмпатия», или «вживание» (Einleben), основанная на том, что истолковывающий (т.е. герменевт) и создатель текста есть выражения одной и той же наиндивидуальной жизни (т.е. проявления чистого и трансисторичного «духа»).

Вильгельм Дильтей (1833-1911 гг.), наследуя идеи шлейермахеровской герменевтики²⁹, также рассматривал герменевтику в качестве фундамента и когни-

²⁹ Так, известно, что в 1858 г. зять Ф. Шлейермахера и одновременно хранитель его архива Л. Йонас пригласил В. Дильтея к подготовке собрания сочинений своего тестя.

тивного ядра «наук о духе» (Geisteswissenschaften). Согласно теоретическим интуициям В. Дильтея, действующий и рациональный агент (целостный субъект или сознание) должен быть представлен во всей своей целостности («целостности человеческой природы», проявляющей себя в понятии «жизнь»), а значит, «понимание» и есть единственное адекватное средство ее передачи, иными словами, «сознание»/«агент» – это *переживаемый человеком способ*, которым нечто для него «есть», и он не может быть редуцирован к чистой познавательной деятельности.

Когнитивные возможности герменевтики, выстраиваемой в соответствии с требованиями, заложенными в процедуры понимания, благодаря которым «жизнь» только и может быть прояснена и осмыслена, обеспечиваются, согласно В. Дильтею, *признанием изоморфности познающего духовной жизни рациональных и действующих агентов* – «дух в состоянии понять лишь то, что порождено духом».

Согласно В. Дильтею, хотя мы и вправе рассматривать «понимание» как «воспроизводящее переживание» (Nacherlebnis), тем не менее, в отличие от Ф. Шлейермахера, он пытается преодолеть только лишь субъективно-психологическое разрешение герменевтики в пользу более объективирующего – культурно-исторического, где понимание рассматривается как воплощение некоторого надындивидуального «духа времени» (Geist Zeit). Именно с этой целью, заостряя внимание на несводимости понимания к простому «вчувствованию», В. Дильтей вводит наряду с понятием «переживание» (Eriebnis) и понятие «выражение» (Ausdruck), которое имеет дело не только с индивидуальными психическими актами «сознания»/«агента», но и с несводимыми к отдельным агентам и их знаниям идеальными значениями, так называемыми «объективациями духа». Таким образом, понимание оказывается не тождественно простой интроспекции, поскольку В. Дильтей, ставя задачу преодолеть избыточный психологизм филологической герменевтики Ф. Шлейермахера, пытается выявить и проанализировать сам «медиум»/«посредник», благодаря которому оказывается возможным самопонимание и взаимопонимание; им становится «объективный дух» (Geist Zeit), включающий в себя различные структуры – язык и прочие нормативные системы культуры. Как следствие, герменевтические процедуры, основываясь на «понимании», истолкованном согласно историко-психологическому канону В. Дильтея, являются ничем иным, как процессами, в которых мы через чувственно данные извне знаки познаем внутренний мир рационального и действующего агента, выражающего себя через соответствующие ему «объективации», изоморфные любому из агентов, в том числе и познающему.

Ханс-Георг Гадамер (1900-2002 гг.), в отличие от Ф. Шлейермахера и В. Дильтея, определял герменевтику не сугубо инструментально, как учение о методе понимания, а онтологически, основав тем самым философский герменевтический канон, согласно которому понимание есть способ человеческого бытия (герменевтическая онтология).

Это повлекло за собой радикальный пересмотр целей и содержания герменевтики. Прежние традиционные герменевтические приемы, целью которых

было обеспечение по возможности объективного воспроизведения и познания смысловых комплексов, заложенных в текст его автором, для Х.-Г. Гадамера не имеют решающего значения, поскольку для решения проблемы понимания недостаточно «переместить» познающего текст в «горизонт» автора текста, но следует найти и определить общий для них обоих «горизонт», в качестве такового и постулируется язык, так как любое человеческое отношение к миру опосредовано языком, а *феномен языка и понимания оказывается универсальной моделью бытия и познания вообще*.

Решая герменевтическую проблему, Х.-Г. Гадамер вводит *презумпцию предпонимания*, выраженного в наших «предрассудках» (Vorurteil). Ведь если к смыслу текста мы движемся благодаря пониманию его отдельных частей, то для того, чтобы понимать отдельные части, уже надо обладать некоторым «предпониманием» целого. Это значит, что понимание, согласно Х.-Г. Гадамеру, есть изначальная установка, с которой человек подходит к миру (так называемая «естественная установка»); при этом суть понимания заключается в конкретизации/прояснении самого смысла из перспективы понимающего: *смысл обретает конкретность лишь в соотношении с тем, кто понимает, а не за счет реконструкции того, кому принадлежало первоначальное смыслодействие*³⁰. Таким образом, любое понимание всегда с необходимостью осуществляется из положения и перспективы понимающего, с учетом его собственного «горизонта понимания», фундамент которого и образуют «предрассудки»³¹.

Наконец, наряду с «пониманием» сторонники антинатурализма, в частности, в рамках структурализма – Ф. Соссюр и Р. Барт, постструктурализма – Ю. Кристева и Ж. Делёз, аналитической философии – Д. Дэвидсон, конструктивизма – Х. Ленк, этнометодологии – Г. Гарфинкель и Х. Сакс, активно разрабатывают еще одно направление в методологии социальных и гуманитарных наук, основу для которого составляет понятие «интерпретации»/«истолкования». *Интерпретация/истолкование* – в общем виде определяется как такая познавательная процедура, которая ориентирована на установление и определение всех типов связей, посредством которых изолированные знаки могут соединяться в знаковые совокупности, или так называемые дискурсы³².

³⁰ Именно эта «интерпретационная» составляющая понимания радикальным образом противопоставляет гадамеровский философский канон герменевтики всем предшествующим канонам как шлейермахеровскому филологическому, так и дильтеевскому историко-психологическому.

³¹ Имплицитные и часто неосознаваемые «предрассудки» (Vorurteil), включая в себя представления, убеждения, авторитетные мнения и обуславливаемые принадлежностью понимающего к определенному языковому сообществу, и образуют тот «горизонт понимания», из пределов которого оно осуществляется.

³² Широко ныне используемое в самых разнообразных контекстах понятие «дискурс» является производным от *Διζόδος* (греч.) – путь, изложение, рассказ, или от *discourses* (лат.) – беседа, аргумент, разговор. Опираясь на представленные греческую и латинскую этимологии, следует отметить, что хотя понятие «дискурс» является весьма многозначным, тем не менее в истории философии закрепились две основополагающие его трактовки: традиционная и современная/«семиотическая». Согласно традиционной трактовке понятие «дискурс», или «дискурсивность», использовалось для характеристики последовательного перехода от одного дискретного шага к другому при развертывании мышления, выраженного в понятиях и суждениях, в противовес интуитивному схватыванию целого до его частей, иными словами, в классической философии дискурсивное мышление, развертывающееся в последовательности понятий или суждений, противопоставляется интуитивному мышлению, схватывающему целое независимо и вне всякого последовательного развертывания. Так, в частности, И. Кант четко и однозначно противопоставляет дискурсивную ясность понятий их интуитивной ясности, достигаемой посредством созерцаний, называя, соответственно, рассудочное познание посредством понятий – дискурсивным мышлением, т.е. по сути, само понятие трактуется И. Кантом как дискурсивная репрезентация того,

В отличие от процедур понимания, традиционно нацеленных на «схватывание» аутентичных свойств того, на что наше понимание оказывается направлено³³, интерпретация избегает соблазна полагать, что достигаемая нами «постижимость» ситуации или объекта, возможна вне учета той роли, которую в «постижимость»/«видимость» ситуации или объекта вносит описание и/или их наблюдатель. Это значит, что когнитивные возможности и претензии интерпретации обеспечиваются презумпцией множественности способов, при помощи которых из некоторой совокупности знаков можно образовать ту или иную вполне определенную структурированную целостность – дискурс. При этом важно отдавать себе отчет в том, что *другая интерпретация означает другой мир*, а не только измененную трактовку того же самого единого мира, именно в этом и состоит проблема конфликта интерпретаций.

Структура интерпретации в общем виде включает в себя следующие ингредиенты: концептуальную схему, которая есть способ организации нашего опыта, семантическую систему, используемую нами для указания на объекты в пределах нашей концептуальной схемы, и прагматическую установку, воплощающую принципы легитимации избранной нами концептуальной схемы.

Такой набор ингредиентов, образующих и поддерживающих процедуры интерпретации, позволяет рассматривать интерпретацию исключительно как хо-

что является общим для многих объектов. Существенное изменение трактовки понятия «дискурс» происходит в современной философии после «лингвистического поворота» (Linguistic Turn), в рамках которого происходит непосредственное обращение к анализу языка и речи как семиотической деятельности, а это, соответственно, приводит к тому, что происходит переход от изучения типов связки в отдельном предложении к осознанию языкового процесса, или речи, как важнейшего компонента взаимодействия людей и механизма осуществления когнитивных процессов, понимаемого как связанная последовательность речевых актов, выраженных в различных текстах и анализируемых в различных аспектах (например, таких, как прагматический, семантический, референтный и эмоционально-оценочный). Общий интерес и внимание современной философии к языковым феноменам выступают тем основанием, которое позволило лингвистике, и прежде всего лингвистике текста, не только осознать целостность текста, но и обратиться к исследованию представленных в нем устойчивых единств, или дискурсам, понимая их как механизмы порождения высказываний и производства текстов. Так, в частности, М. Фуко детально разработал учение о дискурсивной формации как условии функционирования специфических дискурсивных практик со своими правилами, концептами и стратегиями. Исходя из этого все гуманитарное знание мыслится им как археологический анализ дискурсивных практик, корнящихся не в субъекте познания или деятельности, а в анонимной воле к знанию, систематически формирующей объекты, о которых эти дискурсы говорят, а это, соответственно, подразумевает, что продуцирование дискурса осуществляется по определенным синтаксическим правилам и с определенной семантикой, тем самым дискурс, по сути, создается в определенном смысловом поле и призван передавать определенные смыслы. Подробнее см.: Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб., 1994; Фуко М. Археология знания. – СПб., 2012. Отсюда в качестве решающего критерия дискурса выступает некоторая вполне определенная особая языковая среда, в которой создаются те или иные языковые конструкции, и, как следствие, само понятие «дискурс» теперь с необходимостью начинает требовать соответствующего определения – «политический дискурс» или «философский дискурс». В соответствии с таким пониманием современная философия все чаще настаивает на нетрадиционной/«семиотической» трактовке понятия «дискурс», согласно которой дискурс – это «язык в языке», то есть вполне определенная лексика, семантика, прагматика и синтаксис, проявляющие себя в таких актуальных языковых образованиях, как речь и текст, отсюда дискурс часто истолковывается как язык, присваиваемый индивидом. Подробнее см.: Бенвенист Э. О субъективности в языке // Общая лингвистика. – М., 2002. – С.292-300. Исходя из представленных трактовок понятия «дискурс», необходимо отметить, что в современных социальных и гуманитарных науках понятие «дискурс» по преимуществу интерпретируется как семиотический процесс, в основе которого лежит некоторый специфический способ или специфические условия организации языковой и познавательной деятельности, как письменной, так и устной, которые управляют сцеплением структур значения и обладают собственными правилами комбинации. Подробнее см.: Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика. – М., 1983. – С.483-493; Серю П. Анализ дискурса во французской школе [Дискурс и интердискурс] // Семиотика: Антология. – М.; Екатеринбург, 2001. – С.549-562.

³³ Исключая, пожалуй, только лишь проект герменевтики Х.-Г. Гадамера, чувствительный к проблемам интерпретации и истолкования.

листическую конструкцию³⁴, включение или исключение элементов которой осуществляется на одних только прагматических основаниях; это значит, что результат интерпретации оказывается свободен от любых «сильных» критериев оценки (в частности, таких, как «правильная»/«неправильная»), что составляет важный аргумент в пользу той высокой степени интереса, которым интерпретация как познавательная процедура пользуется со стороны современных социальных и гуманитарных наук.

Контрольные вопросы и задания

1. Релевантность каких методов для социально-гуманитарных исследований отстаивает натурализм?
2. Релевантность каких методов для социально-гуманитарных исследований отстаивает антинатурализм?
3. Какие основные элементы включает в себя структура каузального объяснения?
4. Какие виды каузальных объяснений существуют?
5. Чем конверсная/обращенная модель каузального объяснения отличается от стандартной?
6. Какие типы квазикаузальных объяснений распространены в социальных и гуманитарных науках?
7. Объясните, чем именно подлинные каузальные объяснения отличаются от квазикаузальных?
8. В чем заключается отличие каузального объяснения от телеологического (или, согласно терминологии М. Вебера причинно-рациональное от целерационального)?
9. Какой критерий можно использовать релевантным образом для оценки процедур понимания?
10. Какие принципы составляют основу филологического проекта герменевтики Ф. Шлейермахера?
11. Что такое «эмпатия» и какое значение она имеет для герменевтики?
12. Какие идеи были использованы В. Дильтеем при разработке собственного проекта герменевтики? Какие линии сходства и различия имеются между историко-психологическим герменевтическим каноном и филологическим?
13. Охарактеризуйте проект философской герменевтики Х.-Г. Гадамера. В чем заключается отличие гадамеровской герменевтики от герменевтических проектов Ф. Шлейермахера и В. Дильтея?
14. Какую роль играют понятия «предпонимание» и «предрассудок» в философской герменевтике Х.-Г. Гадамера?
15. Что такое «герменевтический круг»?
16. Чем процедуры понимания отличаются от процедур интерпретации?
17. Что такое «конфликт интерпретаций»?

³⁴ Такое отношение к интерпретации особенно укрепилось после исследований Д. Дэвидсона, обосновавшего, что интерпретация для нас любого из отдельных предложений говорящего, на деле предполагает интерпретации всей языковой системы. Подробнее см.: Дэвидсон Д. Радикальная интерпретация // Исследования истины и интерпретации. – М., 2003. – С.182-255.

18. Как можно прокомментировать утверждение о том, что интерпретация есть так называемое «наблюдение второго порядка», т.е. такое наблюдение, где наблюдатели неизбежно наблюдают себя самих в процессе наблюдения и потому знают о том, что все наблюдаемое зависит от их собственного угла зрения?
19. Как соотносятся между собой процедуры интерпретации и описания?
20. Что такое «дискурс»? Какие трактовки дискурса и дискурсивности востребованы современными социальными и гуманитарными науками?
21. Каким образом можно обосновать выбор той или иной концептуальной схемы в рамках некоторой принятой нами системы интерпретации?
22. Какие критерии позволяют различать «правильную» и «неправильную» интерпретацию?
23. Множественность интерпретаций – это скорее достоинство, или недостаток? Возможна ли логически ситуация одной-единственной интерпретации?
24. Какую роль и значение для интерпретации имеют процедуры понимания?
25. Как можно прокомментировать утверждение о том, что для социальных и гуманитарных наук интерпретация является когнитивно равноценным аналогом естественнонаучного каузального объяснения?

3.4. Коллоквиум

«Философские проблемы социальных и гуманитарных наук»

В рамках коллоквиума, завершающего лекционный цикл раздела «Философские проблемы социальных и гуманитарных наук», предполагается вынести на дискуссионное обсуждение в рамках «круглого стола» следующие вопросы:

1. Додисциплинарный, дисциплинарный и постдисциплинарный этапы развития социально-гуманитарных наук.
2. Проблема объекта и предмета социально-гуманитарных наук.
3. Проблема рациональности социально-гуманитарного знания.
4. Истина как когнитивный регулятив для социальных и гуманитарных наук.
5. Структура и функции объяснения, понимания и интерпретации в социальных и гуманитарных науках.
6. Исследовательские горизонты и перспективы развития современных социальных и гуманитарных наук.

3.5. Аттестационные вопросы по разделу

1. Условия и факторы формирования социальных и гуманитарных наук как новой дисциплинарной области в философии науки.
2. Объект и предмет социальных и гуманитарных наук.
3. Место и роль философии в системе социально-гуманитарных научных знаний.

4. Характер и специфика философской рефлексии над основаниями социальных и гуманитарных наук на додисциплинарном этапе их развития.
5. Основные идеи Г.В. Лейбница, Д. Юма, А. Смита, Ш.-Л. Монтескьё и О. Конта и их значение для социально-гуманитарного знания.
6. Характер и специфика философской рефлексии над основаниями социальных и гуманитарных наук на дисциплинарном этапе их развития.
7. Философия жизни В. Дильтея о специфике социальных и гуманитарных наук.
8. Разработка проблем социальных и гуманитарных наук в Баденской школе неокантианства В. Виндельбантом и Г. Риккертом.
9. Программа логического позитивизма (Венского кружка) по унификации наук и ее значение для социально-гуманитарного знания.
10. Характер и специфика философской рефлексии над основаниями социальных и гуманитарных наук на постдисциплинарном этап их развития. Современные философские позиции в вопросе о статусе социальных и гуманитарных наук.
11. Постпозитивистская критика У. Селларса, У. Куйна, К. Поппера «догм эмпиризма» и ее значение для социальных и гуманитарных наук.
12. Натурализм и антинатурализм как основные исследовательские программы в области социальных и гуманитарных наук.
13. Проблема метода в социальных и гуманитарных науках. Специфика объяснения, понимания и интерпретации в социальных и гуманитарных науках.
14. Понимание и интерпретация как особый метод социальных и гуманитарных наук.
15. Филологические и историко-психологические проекты герменевтики Ф. Шлейермахера и В. Дильтея и их влияния на социальные и гуманитарные науки.
16. Проект философской герменевтики Х.-Г. Гадамера.
17. Проблема истинности и рациональности в социальных и гуманитарных науках.
18. Дисциплинарная структура современных социально-гуманитарных наук.